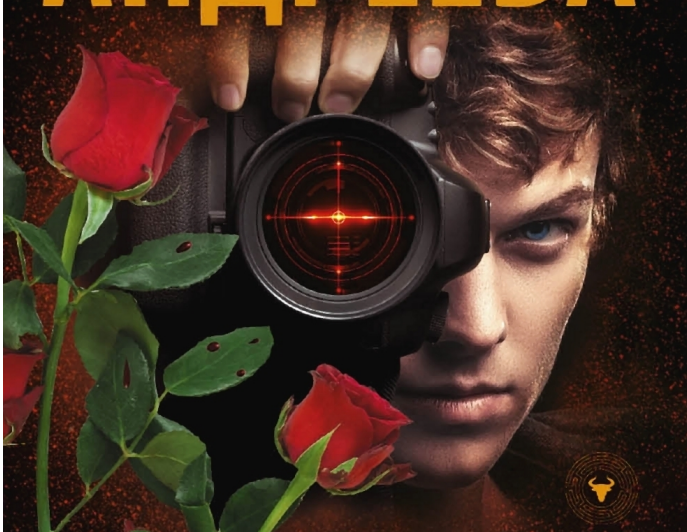

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

**НАСЛЕДНИК
ИМПЕРИИ**

Наталья Вячеславовна Андреева

Наследник империи

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4519678
Наследник империи: Эксмо; 2012*

Аннотация

Лео Петровский, в светской тусовке не парень, а мечта. Красавчик-плейбой с богатыми родителями, живущими на Рублевке. Актрисы и модели «выпрыгивают» из лабутенов, чтобы он только обратил на них внимание. А Лео работает помощником странного фотографа, пытаясь понять секрет его гениальности. И даже не подозревает, какие проблемы у него из-за этого будут. Напарника убивают, но он успевает оставить Лео странное послание. Конверт, в котором набор никому не нужных вещей. Дешёвые бусы, сломанный значок, набойка от женской туфли, старая открытка с праздником 8 Марта... Как оказалось, весь набор – это шифр места, где спрятаны роковые фотографии. Лео бьётся над разгадкой, даже не подозревая, насколько круто находка изменит его жизнь.

Продолжение следует... Читайте роман «Семь разгневанных богинь»: наследник империи двадцать лет спустя.

Ранее издавалась под названием «Выдержка».

Содержит нецензурную брань

Содержание

Негатив	4
Панорама	15
Фокус	40
Съемка: эпизод первый	54
Съемка: эпизод второй	75
Съемка: эпизод третий	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Наталья Андреева

Наследник империи

Негатив

– А где труп? – спросил я.

– Как – где? В морге! – ответила милая девушка.

– В... каком?

– То есть?

– Морг в нашем огромном городе и его окрестностях не один, – терпеливо пояснил я. – Хотелось бы узнать адрес.

– А вы ему, простите, кто? – Она посмотрела на меня с интересом.

Я машинально отметил: хорошенькая.

– Никто.

– Тогда зачем вам знать?

– Мы вместе работали. Родственники не объявились, так что организацией похорон придется заняться нам. Сотрудникам редакции, – добавил я в ответ на ее удивленный взгляд.

– А-а... – протянула она. – Так бы сразу и сказали! – И назвала адрес.

Вот и все. Но в моем сердце еще теплилась надежда, с которой я и приехал в психиатрическую лечебницу, располо-

женную на самой окраине лесопарка. Говорят, здесь спокойно.

Пациентов, из тех, кто на непринудительном лечении, порою выпускают погулять по лесу. В котором потом находят трупы... Что за чушь лезет в голову! Я-то знаю, что этот человек не был сумасшедшим! Он был на сто процентов нормален. И я развел руками:

– Не понимаю, что случилось? Почему он попал к вам?

– Белая горячка, – охотно объяснила хорошенькая. Я тоже из себя ничего. Поэтому мы быстро нашли общий язык. – В народе говорят, «белочка». Что ж тут удивительного?

– Да он вроде бы не пил, – с сомнением сказал я.

– Совсем? – прищурилась хорошенькая.

– То есть завязал.

– Ну, значит, развязал! А это еще хуже. Уж вы мне поверьте! Когда завязавшие алкаши вдруг срываются, их уже ничем не остановишь!

Я все еще сомневался. Хотя и на работе поговаривали: ушел в запой. Исчез на две недели. И вот вам результат: белая горячка, психиатрическая лечебница, скоропостижная смерть. Если бы я не знал предысторию, то поверил бы, как и все. Но дело в том, что я-то ее знал! За этим человеком охотились. Вернее, за снимками, которые он сделал. Этот человек – профессиональный фотограф. Работал в гламурном глянцевом журнале, параллельно занимался халтурой. А я был его напарником. Что это за снимки и почему они вызва-

ли такой интерес у сильных мира сего, я не знал, но очень хотел бы узнать. Как и все, я мечтал прославиться. А это было бы громкое дело. Представьте себе: миллионный тираж, моя фотография крупным планом, и надпись огромными буквами: «СЕНСАЦИЯ!» Поэтому я принялся обольщать хорошенькую:

– Скажите, а он ничего не просил мне передать?

– А как же! – Она даже подпрыгнула, я тоже. Вот оно! Удача! – Я все ждала, когда же вы спросите!

Она, понимаете ли, ждала! «Спокойно-спокойно-спокойно». Я всегда так делаю в критических ситуациях. Повторяю про себя скороговоркой: «спокойно-спокойно-спокойно». Она, понимаете ли, ждала! Нет, чтобы сразу сказать: вот то, что тебе нужно, и проваливай отсюда. Но она ждала. Это потому, что я из себя ничего. Вот она и кокетничает, время тянет. А времени у меня нет, поэтому я нетерпеливо протянул руку:

– Давайте.

Она слегка обиделась, ведь я отказался от флирта, но полезла в ящик своего стола. Покопалась там и протянула мне конверт. Плотный белый конверт. Большой. В таких, как правило, посылают поздравительные открытки нестандартных размеров. Ни марки, ни адреса на конверте не было. Я пригляделся. Крупными печатными буквами на нем от руки было написано: «НЕГАТИВ». Почерк я узнал, и сердце мое забилося. «Спокойно-спокойно-спокойно...»

– Леонид Петровский? – официально спросила девушка.

– Он самый.

– Документ.

Она вредничала. Какие документы? Это что, заказное письмо? Бандероль? На конверте даже адреса нет! Ни адреса, ни марки. На деревню дедушке. А может, девушка хочет взглянуть на мою прописку? Скорее, на ту страницу, где ставят штамп о регистрации брака. Эта страничка в моем паспорте была девственно чиста, поэтому я без колебаний протянул хорошенькой требуемый документ. Она открыла паспорт и прочитала:

– Леонид Петровский.

– А я что говорю? Давайте конверт!

– Что ж...

С конвертом она рассталась охотно, а вот с паспортом не спешила. Так и есть: принялась его листать. Мне было наплевать, пусть хоть съест. Я жадно схватил конверт с надписью «НЕГАТИВ». Вот оно! Я автор сенсации! Моего напарника убили! На сто процентов! Из-за этого снимка! Или из-за этих! И я сейчас получу негатив! Ай да молодец, коллега! Не пожадничал! О чем это я? Его же убили!

Эти мысли молнией сверкнули в моем мозгу, было с десяток ярких вспышек, но гром не раздался. «Спокойно-спокойно-спокойно», – сказал я себе. В моей руке подрагивал конверт. Он был подозрительно толстый и бугрился. Я открыл его и заглянул внутрь. Затем посмотрел на хорошень-

кую девушку, которая с интересом изучала мой паспорт. Потом вновь заглянул в конверт и спросил:

– Что это?

– А что такое? – Она оторвалась от паспорта и невинно посмотрела на меня.

По ее взгляду я понял: о содержимом конверта осведомлена прекрасно. Как и вся психиатрическая лечебница. Должно быть, первым его с интересом изучал главврач. Потому что эту коллекцию мог собрать только сумасшедший! Это же диагноз!

– Что это? – повторил я.

Потом высыпал на стол перед девушкой то, что было в конверте. И даже потряс его, чтобы ничего не пропустить. Из конверта выпала семечка. Семя подсолнечника, если уж быть точнее. Из таких посредством пресса выдавливают растительное масло. Их, жареные семечки, лузгают деревенские, сидя на завалинке. И не деревенские тоже. И не сидя. И не на завалинке. Твою мать! Девушка смотрела на стол и улыбалась. Я тоже смотрел. Но не улыбался. Передо мной лежали:

дешевые бусы

моя фотография три на четыре

стоптанная набойка с каблука женской туфли

использованный одноразовый шприц

семечка

проездной билет в метро на месяц

старый значок – пятиконечная октябрютская звездочка, эмаль облупилась, булавка отвалилась
открытка «С праздником Восьмое Марта!»

Я потряс конверт еще раз: а где же негатив? Потом заглянул внутрь, не веря своим глазам. Пусто! Девушка по-прежнему улыбалась.

– Вы уверены, что это все мне? – спросил я и выразительно посмотрел на разложенное «богатство».

– А как же! Он сказал: придет красивый молодой человек...

Я жадно схватил открытку. На обратной стороне был текст. *«Дорогая мама! От всей души поздравляем тебя с Международным Женским Днем! Желаем тебе крепкого здоровья, счастья в личной жизни и успехов в труде! Любящие Лена, Коля и Дима».*

– ...блондин. Холостой.

– Когда он это говорил, он был в своем уме? – подозрительно спросил я.

– А как же!

Черт возьми! Я и в самом деле был блондином! И из себя ничего. Холост, это правда. Значит, мой напарник соображал, что делает. Но по содержимому конверта этого не скажешь.

– И я могу все это забрать? – подозрительно спросил я, имея в виду «богатство».

– А как же!

– А кто такие эти Лена, Коля и Дима? – уцепился я за соломинку. Вдруг негатив у семьи, пославшей поздравительную открытку?

– Лена – дочь сестры-хозяйки, – охотно пояснила девушка. – Коля ее муж, а Дима – сын. Они живут в другом городе.

– Где именно? – с надеждой спросил я.

– Во Владивостоке.

– Ого!

Соломинка сломалась, я рухнул в пропасть. За неделю, что я ищу своего напарника, он мог, конечно, слетать и во Владивосток. Но вряд ли сделал это. Он сумасшедший, раз оставил мне такое странное «наследство», но не настолько, чтобы слетать одним днем на край земли, спрятать там фотоснимки и вернуться в Москву. Дальше не значит надежнее. Нет, дело тут не в открытке. Тогда в чем?

«Спокойно-спокойно-спокойно...»

Я сгреб со стола «богатство», включая семечку, обратно в конверт. И спросил:

– Интересно, долго он ползал по полу, собирая свою коллекцию?

– Не знаю, – мило улыбнулась девушка. – Знаю только, что открытку стянул со стола сестры-хозяйки, значок выпросил у нянечки. А что касается бус... – Она мило покраснела. – Это мои.

– У вас хороший вкус, – похвалил я. – Надеюсь, вам их

не жалко?

– Что вы! Забирайте! Он так просил за вас!

– То есть?

– Просил непременно передать вам этот конверт. Сказал: «Он поймет».

Признаться, я ни черта не понял. Но что делать? Я небрежно засунул конверт во внутренний карман ветровки. Подумаю на досуге. Особенно над открыткой. «Дорогая мама! Поздравляем тебя...!» Все. Мне здесь больше делать нечего. Или...

А если узнать историю этих вещей? Включая семечку. Интересно, жареная? А на зуб попробовать? Я усмехнулся. Что за бред! Главврач посмотрел на все это и мигом поставил диагноз. Мужчина предпенсионного возраста коллекционирует рухлядь. Старые вещи. А при чем же тогда одноразовый использованный шприц? Сказать, что это тоже винтаж, язык не повернется. Реалии нашего времени: использованные шприцы. Все мы сидим на игле, кто в переносном смысле, а кто и в прямом. Может быть, сие есть символ? Мусор в конверте – закодированное послание человечеству? Раздумывая над этим, я направился к выходу.

– А паспорт? – окликнула меня девушка.

– Ах да!

И я вернулся.

– Тридцать лет, и все еще не женаты, – укоризненно сказала она, возвращая мне документ. Как будто я был злост-

ным неплательщиком алиментов.

– Бывает.

– В гражданском браке жили?

– И это случилось. – Я посмотрел на нее повнимательнее: хорошенькая. И все. Больше ничего не увидел. Но сказал: – Знаете, а я еще вернусь.

Она вспыхнула:

– Что ж...

– Как вас зовут?

– Надя.

– Надежда, значит.

У меня еще оставалась надежда. На то, что я разгадаю загадку. Его ведь убили не из-за семечки. Не из-за использованного шприца. И не из-за открытки «С праздником Восьмое Марта!». Его убили из-за фотографий. И в руках у меня негатив. На конверте так и написано: НЕГАТИВ. Напарник велел передать это мне. Значит, верил в меня. А если бы в конверте и в самом деле лежал негатив, я бы его ни за что не получил. Те люди, которые поместили фотографа в психиатрическую лечебницу и, ничего от него не добившись, убили, с содержимым конверта знакомы. Это вне всякого сомнения. И подумали то же, что и главврач: человек спятил. Сошел с ума от безысходности, от боли. Возможно, что его пытали. Избивали. Надо бы поехать в морг и взглянуть на тело. А если у меня будут доказательства, написать заявление в полицию и возбудить уголовное дело. Если у меня будут дока-

зательства...

Пока у меня в руках лишь этот конверт. Содержимое которого более чем странно. При чем здесь стоптанная набойка? Имеет ли значение, что от *женской* туфли? Мне отдали конверт беспрепятственно. На это мой напарник и рассчитывал. Кому интересен мусор?

«Он поймет».

НЕГАТИВ.

Если у вас под рукой есть использованная фотопленка, взгляните на нее. Что вы увидите? И кого узнаете? Даже себя – вряд ли. Волосы белые, лица, напротив, черные. Мир наоборот. А потому практически неузнаваем. У меня в руках то же самое. Негатив, который надо проявить. Для этого есть средства. Я должен найти эти средства, раз было сказано: «Он поймет». Он – то есть я.

Никто не знал этого человека так же хорошо, как я. Хотя мы и были знакомы от силы полгода. Но мы полгода работали вместе. Бок о бок. Вместе выезжали на съемку, вместе обрабатывали потом материалы. Просматривали отпечатанные фотографии. О главной из них он мне так и не сказал. Не успел. Хотя сказать мог только мне. Самому близкому человеку. Он никогда не был женат, не имел детей, жил на окраине Москвы в однокомнатной берлоге. Уверен: там все перевернуто вверх дном. Они искали то же самое: негатив. Или карту памяти. Может быть, он снимал на цифру. А может быть, и нет. Я никогда этого не узнаю...

Узнаю! Не мытьем, так катаньем. Мы ведь работали бок о бок. И роковые снимки, скорее всего, сделали вместе. Но его убили, а я жив. Выходит, он был догадливее. И внимательнее. У него была выдержка. Дождаться часами наиболее выгодного освещения, хорошего кадра, снимать одно и то же место утром, вечером, в полдень, зимой, весной, летом... И он поймал в кадр... Что? Кого?

Я обязательно это узнаю. С помощью предметов в конверте, лежащем у меня за пазухой. Вперед!

Панорама

– Моя фамилия Сгорбыш. Павел Сгорбыш, – добавил он.

Передо мной стоял высокий мужчина, на вид лет шестидесяти. Он сильно сутулился, вскоре я узнал его прозвище: Горб. В самую точку. Нос у него был подозрительно красный, глаза мутные, белки в прожилках, со следами кровоизлияний, веки набрякшие, над верхней губой висели унылые усы неопределенного цвета. Возможно, их прямым назначением было скрывать плохие зубы. Я не мог этого знать наверняка, пока Сгорбыш не улыбнется. Но легче, пожалуй, дожждаться конца света. Пока он только хмурился и сутулился, а на меня смотрел с откровенной неприязнью. Одним словом, передо мною стоял человек отталкивающей внешности. В старых джинсах с пятнами от реактивов и растянутом свитере. Но ему отныне предстояло быть моим начальником. Поэтому я улыбнулся и спросил:

– А по отчеству?

– Сынок... – проскрипел он и махнул рукой. Какое уж тут отчество? Но все-таки сказал: – Александрович.

– Леонид Петровский, – представился я и добавил: – Можно просто Леня.

Он опустил взгляд на мои ботинки, и я невольно поджался: вот сейчас меня разоблачат! Мои ботинки стоили долларов семьсот. Костюмчик я выбрал самый скромный, да и тот

тянул на несколько сотен. У. е., разумеется. Но других в моем гардеробе не имелось. У вас, должно быть, глаза на лоб вылезли. Откуда? И кто я такой? Придется представиться и вкратце рассказать, как я сюда попал и почему моим начальником стал Павел Сгорбыш.

Вообще-то, меня зовут Лео. Моя мать необычайно красивая женщина, шикарная женщина, модельной внешности. Лицом и ростом я пошел в нее. В детстве меня дразнили «пупсом». У меня такие губы, что, по словам знакомых женщин, хочется их тут же поцеловать. При виде меня губы самих женщин невольно растягиваются в улыбке. «Эй, пупс!», «Какой пупсик!», «пупсеныш», «пупсеночек»...

Вас еще не тошнит? Меня от себя давно уже тошнит. С самого детства. Годам к двадцати я с трудом добился, чтобы меня называли Лео. Тоже пошлость, но уж лучше, чем Пупс. Я высокий, худой и вертлявый. Женщины говорят: гибкий. Ох уж эти женщины! Умудряются все мои недостатки обращать в достоинства! Должно быть, из-за моих замечательных губ. Я даже пробовал отпустить усы, но – не растут! Природа спланировала это мне назло. Замедленный рост растительности на моем теле при бешеном темпе обмена веществ. Я не полнею, даже если ем с утра до вечера и целыми днями валяюсь на диване. А позволить себе такую роскошь я могу. Потому что я... Ох! Поехали!

Я – типичный представитель так называемой «золотой мо-

лодежи». Единственный сын богатых родителей. Мой отец занимается строительным бизнесом, мать – светская львица. У нас особняк в заповедном месте, на Рублевском шоссе, вилла на Лазурном берегу, шикарная яхта, ну и так далее по списку. Было время, мне все это нравилось. Я рос так же, как и мои ровесники, дети людей нашего круга. Окончил элитную школу, поступил в МГИМО, был жутким снобом и считал, что мир принадлежит мне. Да так оно и было. Вы уже начинаете тихо меня ненавидеть. А некоторые громко и вслух. Хочется набить мне морду, ведь так? Бейте! Я бы и сам это сделал, причем с огромным удовольствием. Есть за что. Я ведь был не только снобом, но и хамом. Ездил по встречной, совал, опустив до половины стекло своей крутой тачки, деньги ментам, которые меня останавливали, унижал официанток и строил портье во всех гостиницах мира, а горничных имел. Что было, то было. У меня лишь одно оправдание: тогда мне не было и двадцати. Наглый, самоуверенный щенок, который думает, что весь мир у него в кармане, где лежит туго набитый бумажник. Деньгами папы.

Я отучился в МГИМО три курса. А потом со мной что-то случилось. Сам себе я давно уже поставил диагноз: замедленное развитие. Честно признаюсь: я инфантилен. Родился слабеньким, голову начал держать в полгода, в десять месяцев еле-еле научился сидеть, первый зуб появился тогда же, а пошел я в год и три. Так оно началось, так и продолжается. Я отстаю от своих ровесников в развитии, хотя по виду

этого не скажешь. Подростковый период, когда изо всех сил хочется самоутвердиться, пришелся аккурат на мое совершеннолетие. Мне исполнился двадцать один год, и я вдруг почувствовал, что не могу больше быть маменькиным сынком. В общем, я сорвался.

Бросил институт, связался с подозрительной компанией и пустился во все тяжкие. Мне захотелось посмотреть мир. Я думал, что он огромен, а оказалось, что уместается в пакетике героина. Нет, до героина я не докатился. К счастью. Но другими наркотиками баловался. Пил, курил, ну и так далее по списку. Меня носило сначала по стране, потом по миру. Сначала на «Порше», потом на мотоцикле, а под конец пешком. Я промотал все до цента, а родители отказались дать еще денег. Подробности этого периода моей жизни не помню, все было смутно. Я вел жизнь хиппи, не брился и отрастил волосы до плеч. Я имел много женщин в период свободной любви, но не помню ни одной. Все было смутно. Лет через пять мне все это осточертело.

Однажды я проснулся в грязном номере дешевой гостиницы, в стране, абсолютно мне чужой, голова болела, язык ворочался с трудом. Я посмотрел в потолок и подумал именно так: мне все это осточертело. Что богатство-рабство, что нищета-свобода-ото-всех-обязательств приедаются. С первым расстаться легко, из второй выбраться трудно. Но у меня-то был шанс! Я родился под счастливой звездой, которая все еще мне светила.

И я вернулся в отчий дом, помылся, постригся, завязал с выпивкой и наркотиками, после чего залег на диване перед телевизором. Сначала мир принадлежал мне, потом я ему, а потом мы стали друг другу безразличны и отделились на расстояние от дивана до телевизора. Он был там, а я здесь. Я изменял его, как хотел, при помощи пульта. Он не сопротивлялся. Меня это устраивало. Мы нашли, наконец, компромисс. Родители меня не трогали, они были счастливы уже тем, что я дома.

Через два года я встал, побрился, надел джинсы и футболку из последней коллекции обожаемого мамой кутюрье и отправился в модный ночной клуб. По случаю моего возвращения из дальних странствий мне был куплен новый «Порше», и я, наконец, вывел его из гаража. Машина не показала мне ни плохой, ни хорошей. Это была просто машина. Я подумал, что могу обойтись и автомобилем для среднего класса. Без разницы. Я потерял вкус к жизни, я больше не чувствовал скорости: плелся по трассе не больше сотни, и на меня тарасились водители «мерседесов» и «тойот». Правда, сигналить не решались, все ж таки я был на «Порше».

В клубе я встретил старых друзей. Выпил, сделал пару затяжек марихуаны, облобызал с десятков моделей и дал себя облобызать десятку девушек из хороших семей, потенциальных невест. Я по-прежнему оставался для них своим, но все они оказались мне чужими. Мне было ни хорошо, ни плохо. Мне было все равно, и я понял, что выработался иммунитет.

Я вышел из подросткового возраста и стал, наконец, взрослым человеком. И в таком месте делать мне больше нечего.

А где мое место? Я вернулся домой и решил, что пойду работать. И тут вновь сказалось замедленное развитие. По логике вещей я должен был бы занять кресло в совете директоров в компании, принадлежащей моему отцу. Стать руководителем отдела, к примеру, маркетинга, в котором не смыслю ни черта. Ровно столько же не смыслю и в работе других отделов, но это мало кого волнует. Меня всегда прикроют. Есть наемные работники, дети простых смертных, зато умные и образованные. Карьеристы. Я цинично это использую, потому что у меня выработался иммунитет. Я никого не люблю, но и ненавидеть разучился. Мой пульс бьется ровно, и даже хорошенькая секретарша рядом со мной может расслабиться: я ее не трону. Я отсижу положенное в совете директоров, потом женюсь на дочери генерального директора фирмы-партнера, произойдет долгожданное слияние капиталов. Это и есть моя задача. Я займу кресло генерального, у моей жены родится пятеро детей. Три дочери и два сына. Старший будет учиться в элитном колледже, потом поступит в МГИМО, окончит его, займет одно из кресел в совете директоров, женится на дочке генерального директора фирмы-партнера, произойдет долгожданное слияние капиталов... И так далее. Бизнес должен развиваться, как и шоу должно продолжаться.

Дочерей выдам замуж за топ-менеджеров, чтобы укрепить

свою империю. А младший сын... Тихий глубокий вздох. Пусть с ним случится что-нибудь особенное. Жаль, что у меня нет старшего брата. Очень жаль. Я прекрасно знаю, чего от меня хотят. Чего от меня ждет отец, о чем втайне молится мать. Но в моей жизни наступил период, когда хочется всего добиться самому. Это со временем тоже проходит, юношеский максимализм. Как и подростковый бунт сходит на нет, когда перестают играть гормоны. Но у меня замедленное развитие. В тот момент, когда мои ровесники уже нагулялись, женились, остепенились и вошли в колею, я прусь прокладывать собственную. Это пройдет. Но сначала я узнаю, чего стоит Леонид Петровский. Без папы, сам по себе. Какова его цена? Сколько он может заработать как «Леонид Петровский – сам, бля, – без ансамбля».

Отец не стал возражать. Он только спросил:

– Кем же ты хочешь стать?

– Писателем, – ответил я.

– Писателем? – Его густые брови поползли вверх.

Надо сказать, что я ничуть не похож на отца. Он невысокого роста, коренастый, широкий в плечах. Массивный, я бы сказал. И *значительный*. А я вертлявый. Мы друг друга плохо понимаем, но он терпелив. Он умеет ждать. Иначе не заработал бы столько денег. Вот у кого выдержка! Когда я сказал, что хочу стать писателем, он спокойно ответил:

– Ну, что ж. И с чего же ты начнешь?

– Я подумаю.

Я чувствовал: во мне живет творец. Но кто? Писатель, художник, музыкант? Все признаки налицо: мое разгильдяйство, склонность к авантюрам, любовь к выпивке и неумная тяга к женщинам при ненависти к бизнесу отца, равно как и к любому другому. Я охотнее отрезал бы себе ухо, как Ван Гог, чем сел за стол переговоров в конференц-зале. Кто я, если не творец? Надо подумать, как это реализовать.

Думал я с месяц. И даже пробовал писать. Впечатлений у меня была масса. И богатый жизненный опыт. Я ведь объездил весь мир, причем не без пользы для населяющей его прекрасной половины человечества. Я мог бы все это описать. Свою жизнь, свои приключения. Я даже сел за комп, создал файл, назвал его «роман» и поставил вверху чистого листа: «Глава 1». Первую фразу рожал день. После чего подумал: не так-то это просто. Такими темпами роман я допишу к пенсии. А к тому времени все забудется, чувства притупятся. Хорош же я буду, описывая приключения двадцатилетнего юноши, находясь одной ногой в могиле! Короче, мой роман завис, как неисправный комп.

Значит, начинать надо не с этого. Требовалась перезагрузка...

Я зашел в Интернет. Стал изучать биографии современных писателей. Отечественных и зарубежных. Оказалось, что большинство из них пришли в литературу из журналистики. Сначала писали статьи для газет и журналов, потом плавно перешли к повестям и романам. И я решил стать жур-

налистом. Улавливаете логику? Так я и сказал отцу. Он предложил воспользоваться связями и... Я запротестовал:

– Сам!

Так началась моя трудовая биография. Три курса МГИМО и замечательные губы сыграли свою роль. Редакторы-женщины охотно брали меня на работу. Но из первого же периодического издания я с треском вылетел через месяц. Мне поручили взять интервью у одной популярной певицы. К несчастью, я хорошо ее знал. Слишком хорошо. Дело в том, что я – завидный жених. Единственный наследник огромного состояния, особняк на Рублевке, вилла на Лазурном берегу, ну и замечательные губы... Уж сколько женщин пытались поймать меня в свои сети! Я – лакомый кусочек, и на меня всегда идет охота. Особенно среди певиц, моделей или актрисок, приехавших из провинции и в одночасье вспыхнувших на звездном небосклоне, чтобы так же быстро и стореть. Единственный их шанс – выйти замуж за такого, как я. И стать светской львицей, такой же, как моя мать.

Та, у которой предстояло взять интервью, в свое время меня чуть было не зацепила. У нас случился короткий, но бурный роман, и мне с огромным трудом удалось увернуться от брошенной сети. Девушка сказала, что беременна, и я уже был готов. Спасибо папе! Ни он, ни мама ничего не имеют против женитьбы единственного сына и появления пяти внуков. Напротив. Но мне в ту пору едва исполнилось двадцать. А она была лет на пять старше. Папа сказал: рано. Теперь мне

почти тридцать, и он недоумевают: когда же? Тогда было рано, а теперь поздно. Период «в самый раз» я незаметно проскочил, – меня как раз мотало по миру, и ни одна из женщин в памяти не удержалась.

Эпизод с певичкой я помнил. Она, полагаю, тоже не забыла. С тех пор прошло лет десять. Ей перевалило за тридцать, кому как не мне это знать! Она же во всех интервью говорит: двадцать пять. В общем, слушать, как она нагромождает одну ложь на другую, мне было неинтересно.

И я обратился за консультацией к своей ослепительной матери, которая знает всех и вся. И мама рассказала мне во всех подробностях, чем, с кем и как занимается поп-дива и почему ее карьера идет в гору. Все это я и написал. С маминых слов. Уж маме-то я верю!

Разразился жуткий скандал. Я бы даже сказал: скандалище! И хотя главный редактор потеряла руки «жареные факты нам нужны» и «давненько не поддавали такого жару», меня таки выперли. Певичка подала на газету в суд. Аргумент веский: журналист перед ее очами даже не предстал. Какое там согласовать материал! Хорошо, что я взял псевдоним. Не мог же я устраиваться на работу под собственным именем! Певичка так и не догадалась: откуда? Кто источник? Кстати, написал я чистую правду. Я вообще врать не умею. И не люблю. Газете вчинили такой иск, что мама не горюй! Она и не горевала. Моя мама. Сказала: «Это не та работа, которая тебе нужна, Леня». Но я упрям. Должно быть, в отца, кото-

рый всего добился терпением и трудом. И я вновь отправился искать работу.

В следующей редакции я продержался полгода. На этот раз мы не сошлись характерами с женой главного. То есть она-то сошлась и захотела «стать мне лучшим другом», параллельно «повышая мою квалификацию», а я понял, что мне этого не нужно. К тому же я втайне симпатизировал главному. Настолько, что не мог наставить ему рога. И я потихоньку смылся.

На следующей работе у меня случился бурный роман. Мы слишком много времени проводили вместе. Взыграло ретивое, нахлынули чувства. Я вовремя опомнился. И это мать моих будущих детей?! Дымит, как паровоз, бутылками глушит текилу, литрами кофе. Да, она умна, я бы даже сказал, талантлива. Вот из нее получится писатель. То есть писательница. Такие и идут из журналистики в литературу. Но я-то здесь при чем? Если туда пойдет она, мне дорога закрыта. Два писателя в семье – это многовато. Даже я это понимаю. Что же касается детей... Сомневаюсь, что она сможет родить хоть одного ребенка. Не говоря уже о его здоровье. Нет, этого я допустить не могу. Если дело дойдет до совета директоров (а я уже к этому близок), то тут только слияние капиталов. Без вариантов. И пятеро детей.

В общем, я ушел. А Москва – большая деревня. Сменить за короткое время три редакции – это уже диагноз. В четвертую меня не взяли. В пятую тоже. Какое-то время я был

без работы. К тому моменту, чтобы не выделяться, я стал жить, как все мои ровесники, сами зарабатывающие на хлеб насущный. По средствам. Не считая шмоток, которыми меня снабжала заботливая мама. Но ей я отказать не могу. Ведь я нежный и любящий сын, поэтому и хожу до сих пор в ботинках за семьсот долларов. И это еще самые скромные! Но пуповину я оборвал – снял квартиру, поменял машину, питался преимущественно в фаст-фуде, да в ресторанах и на банкетах, куда заносила нелегкая журналистская судьба. Потеря работы сказалась на моем бюджете. Но мне ведь тридцатник. Это, доложу я вам, рубеж! Негоже просить денег у мамы даже такому инфантильному типу, как я. Стыдно. А что скажет папа?

– Что, Леонид? Нагулялся?

А дальше только МГИМО и совет директоров. Не мы выбираем, нас выбирают. Для другого это предел мечтаний. Но какой смысл мечтать о том, что дано тебе от рождения? Тогда это уже не мечта, а скука смертная.

И я решил попробовать еще раз. Последний. Если уж тут не получится – то все. Полная и безоговорочная капитуляция. Леонид Петровский как личность не состоялся. И я попробовал. Меня взяли на работу в гляцевый журнал, так называемый гламур, но... Помощником фотографа. И с испытательным сроком.

Я стоял, смотрел на Сгорбыша и думал: «Это все, конец. Совет директоров». В тот момент я был уверен, что не про-

держусь на новой работе и двух месяцев. Мысленно я уже подбирал себе галстук и костюм. И остановился на полоске. Полоска делает меня солиднее, зрительно увеличивая в размерах мое тощее тело. Безусловно, полоска. Она. А галстук? Надо посоветоваться с мамой. Лучше нее в галстуках никто не разбирается.

– О чем думаешь, сынок? – спросил Сгорбыш.

– О галстукке, – честно ответил я.

– Кхе-кхе... – закашлялся он. – Не рановато ли тебе думать о галстуках? Ты еще мальчик. Сынок. Кхе-кхе...

Я тут же подумал: курит. Словно подслушав мои мысли, Сгорбыш предложил:

– Ну что? Закурим?

– Я не курю. Только марихуану.

– Кхе-кхе...

– Когда накатит, – поспешил добавить я. Еще подумает, что я наркоман!

– И часто с тобой это случается? Накатывает?

– Раз в год, – ответил я, не моргнув глазом.

– Это ничего. Терпимо, – с облегчением вздохнул Сгорбыш. – Вот со мной чаще.

– Вы курите марихуану?!

– Кхе-кхе... Сынок... – Сгорбыш даже поперхнулся. – Кхе-кхе...

«Пьет! Он пьет!» – тут же подумал я и не ошибся. Вскоре выяснилось, зачем меня взяли на такую странную долж-

ность. Для чего фотографу нужен помощник? В чем заключаются мои должностные обязанности? Меня вызвали в кабинет шеф-редактора, и строгая дама, затушив в массивной пепельнице сигарету, сказала:

– Присаживайтесь, Леонид.

Она была старше меня лет на двадцать, и я подумал, что за свои честь и достоинство могу быть спокоен. Возможно, мы станем друзьями. Настоящими. В том смысле, что нам не обязательно делить постель, если нас объединит общее дело. И я улыбнулся. Она не выдержала и улыбнулась в ответ. Магия моей улыбки посильнее, чем заклятья колдунов, разрекламированных по ящику и в Сети. Они врут, а я весь как на ладони. И улыбка моя честная. Открытая. Потому мне и улыбаются в ответ. Итак, моя будущая начальница улыбнулась и сказала:

– Вы будете работать со Сгорбышем. Я на вас очень рассчитываю, Леонид.

– А что я должен делать?

– Видите ли... – Дама слегка замялась. – Я могу быть с вами откровенной?

– Конечно!

– Павел Сгорбыш – гениальный фотограф. Но... Он пьет.

– Ах, вот оно что!

– И он не в ладах с современной техникой. Слабо разбирается в компьютерах и ненавидит цифровые фотоаппараты. Меж тем...

– Я понимаю. С цифрой работать проще. Так быстрее.

– Именно. Ваша задача номер один: следить, чтобы он не сорвался.

– То есть не давать ему пить?

– Не совсем так, – мягко поправила она. – Трезвенником ему не быть никогда. Но он должен пить в меру. Не уходить надолго в запой и каждый день появляться на работе. Хотя к полудню, но появляться. А задача номер два – обрабатывать снимки. Я имею в виду цифровую фотографию. Как у вас с компьютером?

– Порядок, – заверил я. – Там нет ничего сложного. В программах. Они прилагаются к любому цифровому фотоаппарату. Их надо только установить. А дальше компьютер сам все подскажет. Только на кнопки дави!

– Вот и отлично! – обрадовалась шеф-редактор. – Попробуйте объяснить это Павлу Александровичу. Если у вас это получится, – и она глубоко вздохнула, – я буду вам очень признательна, Леонид.

Я не ошибся: расстались мы друзьями. Главное, я понял, что от меня требуется. И решил немного потерпеть. Ведь она сказала, что Сгорбыш – гениальный фотограф. Господь был ко мне более чем щедр. Он сделал меня красивым и богатым. Он дал мне все, что только возможно. Кроме одного. Я уже начал подозревать, что он не дал мне таланта. Ни единого. Кроме таланта улыбаться так, что люди невольно улыбаются в ответ. Сгорбыш в отличие от меня и беден, и некрасив.

Но я бездарен, в то время как он – гениальный фотограф. Не я так сказал. Мне так сказали. Люди признают за ним талант. Я должен понять, что это такое. Иными словами, я должен раскрыть секрет гениальности. Иначе я никогда не стану писателем. А хочется.

И я начал присматриваться к Сгорбышу. Сначала мы не ладили. Он относился ко мне настороженно, я же не люблю лезть людям в душу. Заискивать не умею, оказывать мелкие услуги не считаю нужным. Не забывайте: я материально не заинтересован. У меня за спиной запасной аэродром (лучше сказать космодром): фирма моего папы. Поэтому я могу делать все, что вздумается. И говорить тоже. Спасает меня природная доброта. Антипатия Сгорбыша была мне понятна. Я молод и красив. А он стар и уродлив. Плохо одет. Для противоположного пола непривлекателен. Однажды он спросил:

– И много у тебя было женщин, сынок?

Мы стояли возле моей машины. Я уже сказал, что поменял «Порше» на дешевую (в моем понимании) машину, но у Сгорбыша ведь и такой не было. Надо ли говорить, что речь идет об иномарке? Иномарке из салона, потому что подержанных мои родители не признают. Меня бы не впустили в ворота нашего особняка, явись я на подержанной машине. Похоже, в одежде и обуви Сгорбыш не разбирался, а вот машина произвела на него впечатление.

– И много у тебя было женщин, сынок?

– Достаточно, – осторожно ответил я, потому что не понял: за всю жизнь или за один раз? И попытался-таки вспомнить: сколько? Пока я решал в уме эту сложную арифметическую задачу, Сгорбыш обходил мою машину, цокая языком:

– Це-це-це... Подарок, да?

– Да, – кивнул я.

– От женщины?

Моя мама женщина на все двести процентов, поэтому я снова кивнул.

– Да ты, сынок, везунчик!

– Не могу с этим не согласиться.

– За каким чертом тебе эта работа? – зло спросил Сгорбыш.

– Я хочу понять принцип.

– Принцип? – удивился он.

– Говорят, вы гениальный фотограф... Сгорбыш хмыкнул с довольным видом. На его лице появилось подобие улыбки. И он сразу же стал симпатичнее. Отметив это, я продолжал подлизываться:

– Я хочу, чтобы вы и меня научили.

– Этому научить нельзя, – отрезал он.

– Почему?

– Потому.

Я подумал, что он жадничает. Не хочет делиться секретом. Оно и понятно: я ему никто. Человек в его жизни вре-

менный. Значит, надо стать в ней величиной постоянной. Я не хотел перед ним заискивать, но попытался его понять. К примеру, его нелюбовь к цифре. Я имею в виду цифровые фотоаппараты. На мой взгляд, неудобно как раз возиться с пленкой. Но Сгорбыш мое мнение не разделял.

– Цифра... – презрительно говорил он. И надо было слышать, *как* он это говорил!

Представьте, как открывается старая дверь. Медленно поворачивается на ржавых петлях. И раздается скрип.

– Ци-и-ифра... Это ж такая морока!

– Какая морока? – не соглашался я. – Сплошные удобства! Автоматический режим. Самонаводящийся фокус. А снимки? За вас же все сделает компьютер. На нем такие штуки можно вытворять! А что такое пленка?

Я разразился тирадой в защиту цифровых фотоаппаратов, памятуя указания шеф-редактора. Если я сумею уговорить Сгорбыша перейти на современную технику, меня ждет премия. И я заливался соловьем. Сгорбыш смотрел на меня подозрительно, но слушал.

– Но это же так сложно, – вздохнул под конец он.

– Чего там сложного? Включаете компьютер...

– Как-как?

Он смотрел на меня с ужасом. Продвинутые пользователи, обращаюсь к вам. Будьте снисходительны к таким, как Павел Сгорбыш. Для вас все проще пареной репы. Но тем, кому до пенсии два шага... Это не спор о том, что лучше,

аналоговая фотография или цифровая. Это конфликт поколений. Отцов и детей, дедов и внуков. Чем стремительнее развивается технический прогресс, тем конфликт глубже.

Я, тридцатилетний парень, продвинутый пользователь, чувствую себя динозавром, когда за соседним столиком в кафе разговаривают о компьютерах четырнадцати-пятнадцатилетние подростки. С тем, в чем я разбирался при помощи опытных педагогов, они родились. Так называемое поколение «next» все схватывает на лету. Эти пацаны спокойно лезут в любые опции и переделывают все под себя. Они не просто на «ты» с этим миром. Он их боится до дрожи, потому что вынужден меняться. Это они его вынуждают. Между ними и мною – пропасть. Что уж говорить о Сгорбыше! Там не пропасть. Там – Вселенная. Пропасть еще можно преодолеть. По крайней мере виден противоположный берег, тот, где находятся они, и можно перекинуть мостик. А Вселенная бесконечна. Известно лишь, что в одной из ее галактик есть высший разум.

Поэтому не надо удивляться, что для наших бабушек и дедушек проблема состоит уже в том, чтобы включить компьютер. Не для всех. Но к тем, кто просит выставить дату на мобильном телефоне, будьте снисходительны. Я поначалу тоже кричал:

– Да чего там? Это же пара пустяков!

И мышкой «щелк-щелк».

– Сынок, помедленнее, – тихо просил Сгорбыш.

Щелк-щелк. Он то бледнел, то краснел, рука, лежащая на мышке, потела. Она была как деревянная, эта рука, а ее движения судорожные. Щелк-щелк. Мысленно я хохотал, но на моем лице была лишь снисходительная улыбка. Щелк-щелк. Да чего там!

Зато потом я увидел его фотографии, и улыбка с моего лица сошла. Я понял, почему его называют гениальным фотографом.

К Сгорбышу приходили разные женщины – обычные, подружки и даже уродины. Но на его фотографиях все были красавицами и, я уверен, все были счастливы. Они получили то, зачем пришли. Если вы думаете, что это так просто, дать женщине то, что она хочет, вы ошибаетесь. Это все равно что идти по минному полю, ожидая: вот сейчас рванет! Любая мелочь может ее расстроить, так же как и удача, самая маленькая, может вдохновить. От Павла Сгорбыша все женщины уходили окрыленными. И нельзя сказать, что на снимках они были на себя не похожи. В том-то и дело, что похожи! Узнаваемы. Непостижимым образом он показывал их внутренний мир, их ум и доброту – через взгляд, выражение лица и наклон головы. Он мог работать с моделями часами, снимать с разных позиций, меняя объективы и выдержку. Сгорбыш автоматические режимы не признавал, вот почему его не устраивала цифра. Он говорил, что жанр портрета самый трудный в фотоискусстве и здесь надобно повозиться.

– Я человек длинной выдержки, – говорил он. – Трехсе-

кундной. Мне нравится, когда снимок словно бы застывает. Поспешность здесь ни к чему. Выставляя длинную выдержку, я физически чувствую, как рождается снимок. За эти три секунды я проживаю иногда целую жизнь. Меня бьет лихорадка, я всячески оттягиваю момент, когда пора проявлять. Получилось или нет? Я не хочу сразу же увидеть свою ошибку.

– А если удача?

– Удача, сынок, никуда не убежит.

Вот такой человек был Павел Сгорбыш. Большой оригинал.

– Что такое талант фотографа? – спрашиваю я.

Я понимаю – талант художника. Краски, освещение, композиция. Он – творец. Хозяин сам себе и всему, что его окружает, когда творит. Он может домыслить и вообразить то, чего больше нет. Листву, которая уже облетела, солнце, ушедшее за горизонт, луну и звезды, которые еще не появились. Но фотограф лишь фиксирует на пленке то, что видит перед глазами. Какой здесь должен быть талант?

Наконец, Сгорбыш признался. Раскрыл свой секрет.

– Терпение, – вздыхал он. – И еще раз терпение. Талант фотографа – его трудолюбие. Любовь к процессу.

И начинал рассказывать мне, какие использует технические приемы и лабораторные средства. Какой у него набор оптики к фотообъективу. Как он применяет проекционный монтаж, то есть печатает на один лист с нескольких негатив-

вов. Как искусно пользуется набором различных масок, диффузных дисков и сеток. Как добивается тончайших тональных переходов, применяя двухрастворное проявление. Работает по старинке, презрев достижения последних двадцати лет. С одной стороны, Сгорбыш был ископаемым. Размороженным мамонтом из сибирской тайги. А с другой – гений фотографии. Одновременно и раб ее, и хозяин процесса. У меня от всех этих терминов голова пухла, а он все рассказывал и рассказывал. Фоторисунок, соотношение тонов, частичное ослабление негатива...

Это сколько же надо было просидеть в лабораториях, чтобы все это узнать! Сколько сделать ошибок и сколько времени потратить на их исправление! Я понял, почему Сгорбыш не женат. Почему у него нет детей. У него на это просто не было времени. Он один как перст, зато – Властелин мира. Мира фотографии.

Вот почему он так ненавидел цифру и уважал аналоговые фотоаппараты. Пленочные. Опыт накапливался годами. У каждого фотографа есть свои маленькие секреты, которыми он не спешит делиться. То же самое, что знаменитый лак Страдивари. Свой фирменный, особый прием, если ты, конечно, Мастер.

Потому им и обидно. Старым фотографам, которые не спешат отказываться от аналоговых фотоаппаратов в пользу цифры. На то, чтобы постичь секреты мастерства, жизнь ушла. А меж тем какой-то пацан выходит во двор, наводит

крутую камеру: шелк-шелк!

– Ой, молодец, Петя! (Вася, Коля, Саша...) Семья в восторге, альбомы пестрят фотографиями, снимки яркие, четкие. Сгорбыш говорил, что в них нет глубины. Ее нет и в цвете, который дает цифра. Компьютер цвет не чувствует, не смягчает, не играет с ним. Он просто фиксирует и передает. Там, где мало человека, также мало души. Удобства, привносимые компьютером в нашу жизнь, прямо пропорциональны чувствам, которые из нас уходят. Мы все больше сближаемся, люди и машины. Но не надо забывать о руках. Ручной труд придает вещи цену. Хотя я спорил. Говорил, что всего этого и при помощи компьютера можно добиться.

– Вот смотри, Горб, – показывал я, когда мы уже сошлись достаточно близко и были на «ты». – Можно убрать морщины. Можно растянуть изображение. Можно поменять фон. А можно напустить туману.

– Не она, – хмыкал Сгорбыш.

– Отчего же не она? Она!

– Нет. Это *другая* женщина. Лет на десять моложе.

– Значит, она будет довольна!

– Кх-кхе... Сынок... Я вижу, ты хорошо знаешь женщин.

– Еще бы!

– А почему ты до сих пор не женат?

На самом деле это вопрос сложный. Открою вам тайну: в глубине души я до тошноты порядочный и правильный человек. И если какой-нибудь женщине удастся дотащить меня

до Дворца бракосочетаний и продержат там в течение часа, пока не будут улажены формальности, это все, конец. Я буду верен ей до гроба, ей и нашим детям. Ни разу не схожу налево и даже не посмотрю в сторону другой. Буду терпеть, какой бы стервой моя жена ни оказалась. Ходить за ней, как пришитый, и на все ее упреки отвечать: «да, дорогая, согласен, дорогая». Я очень люблю детей, это для меня святое. Ради них я буду шелковым, да что там! Бархатным. Съезжусь до размеров моей второй половины. Но это моя страшная тайна. Узнай об этом женщины...

К счастью, они не знают. У меня репутация донжуана, пожирателя сердец. С виду я типичный плейбой. Из тех, что красуются на глянцевых обложках гламурных журналов. Спасибо маме! Наверное, когда она была мною беременна, не отходила от зеркала. Смотрела в него так часто и долго, что я родился похожим на нее, как две капли воды. И эти замечательные губы...

Я попытался объяснить это Сгорбышу:

– Женщин у меня было много, но я еще не встретил одну-единственную. Ту самую. Понимаешь?

– И какой ты ее представляешь, сынок?

– Ее зовут просто. И по-русски. К примеру, Машей. У нее длинные темные волосы и светлые глаза. Голубые. Или синие, – мечтательно сказал я. – Большая грудь...

– Кхе-кхе... Сынок...

– Ведь ей предстоит выкормить пятерых детей!

– А не много? – усомнился Сгорбыш.

– В самый раз, – заверил я. – Еще она должна быть доброй. Само собой, порядочной. Я у нее должен быть первым.

– И ты, развратник, этого требуешь? – усмехнулся Сгорбыш. – А совесть у тебя есть?

– Я не развратничал, – тут же возразил я. – Прививал иммунитет. А своей жене я и сам его привью.

– Мерзавец ты, – ласково сказал Сгорбыш. – Ох, и мерзавец!

– Что есть, то есть, – вынужден был согласиться я.

– Ты никогда не женишься.

– Посмотрим.

Я вспомнил этот разговор потом, в момент настолько ключевой, что от него зависела дальнейшая моя судьба. Когда решал загадку Сгорбыша. Проявлял НЕГАТИВ. Потому что это был важный разговор, папаша Горб тоже его не забыл. Он построил на нем цепь логических умозаключений. Набойка-то была от *женской* туфли!

В моем рассказе нет ничего лишнего, хотя вам может показаться, что я многословен. Всё по существу. Потому что сейчас я подхожу к сути. К халтуре, которая была у нас помимо основной работы.

Фокус

Талант у Сгорбыша был. Поработав с ним пару месяцев, я перестал в этом сомневаться. Но платили ему в редакции копейки. Бонусом являлось то, что его не увольняли, во сколько бы он ни являлся на работу, и терпели его запои, которые случались раз в месяц, в день зарплаты. Погудев несколько дней, Сгорбыш приходил в офис ровно в девять часов утра, подбородок и щеки выбриты до синевы, усы аккуратно подстрижены, аромат дорогого одеколona перебивает запах перегара. И никто не делал ему замечаний. Таковы были правила игры в поединке редакция – Сгорбыш. Главное, чтобы он угождал привередливым звездам, которые хотели быть неотразимыми на страницах глянца. Сгорбыш и угождал, но предпочитал в качестве моделей простых смертных. Несмотря на талант, Горб так и не стал модным фотографом. Из тех, что имеют собственную студию, к которым надо записываться загодя и платить огромные деньги.

– Почему? – спросил я.

– Пью я, – вздохнул Сгорбыш.

– Почему?

Вот на этот вопрос он не смог ответить. Я подозревал, что здесь кроется тайна. Сто процентов: женщина. Красивая. Но Сгорбыш об этом никогда не рассказывал. Я задумался. Ведь моей главной задачей было удержать его от пьянства. В та-

ком случае я должен понять, почему он пьет.

Почему пьет русский человек? Я полагаю, оттого, что ему грустно и холодно. Ведь он живет в огромной, холодной, забытой Богом стране и страдает в ней от вселенского одиночества. От несправедливости. Ни в одной стране мира на душу населения не приходится столько несправедливости, как в нашей. Я не имею в виду бедность, есть страны и победнее. Я говорю о несправедливости. А лучше сказать так: у нас самая неблагодарная к своему народу страна. Вот ее жители и пьют. Богатства нации принадлежат, увы, далеко не лучшим ее представителям. Иначе бы ее ресурсы не растрчивались так бездарно. В этот момент я вспомнил себя в юные годы и вздохнул. Проехали.

А почему пьет талантливый русский человек? От безысходности. Россия предпочитает любить своих героев мертвыми. Мертвый гений – настоящий гений. В щедрости воздаваемых после смерти почестей с ней опять-таки никто не сравнится. Вот они и пьют, таланты. Чтобы поскорее сгореть, спиться и умереть. Уверенные, что уж после смерти-то им воздастся. И мы эту веру всячески укрепляем. Воздастся, да. После смерти. Так что, мрите, дорогие наши. А мы не будем вам мешать.

Да, Сгорбыш пил. Что тоже свидетельствует о его таланте. Был непунктуален, недисциплинирован, а порою срывался и звездам шоу-бизнеса, приходящим на фотосъемку, хамил. Когда они особенно капризничали. Потом, еще больше со-

гнувшись, ходил на ковер к главному – объясняться. Сгорбышу нужны были деньги. Когда я выяснил, что он тоже снимает квартиру, мы стали друзьями.

Оказалось, Сгорбыш приезжий. Его маленькая родина была километрах в четырехстах от столицы. Отслужив в армии, он приехал в Москву, поступил в Институт культуры на отделение, в просторечие именуемое «кино-фото». Карьера начиналась блестяще. Его фотографии были опубликованы в журнале «Советское фото» и получили лестные отзывы у маститого фотографа, лауреата международных выставок. Маститый так и сказал: искра божья. И по окончании института Сгорбыш остался в Москве, получив работу в одном из журналов с миллионным тиражом. Была у него когда-то койка в общежитии, но Сгорбыш ее потерял в то смутное время, когда в стране началась перестройка. Кто-то подсуетился, нагрел на этом руки, а Сгорбыш запил. И угла лишился. Его жалкие метры отошли в пользу малоимущих, но предприимчивых. Тогда же рухнула его карьера: журналы стали закрываться, тиражи падать, спрос на талантливых фотографов тоже упал. Когда же период реконструкции был завершен, сам Сгорбыш почти уже спился. Работал в крохотном ателье, делая фото на документы. «Три на четыре с растушевкой». С его-то талантом! Но о нем вспомнили и дали достойную, хотя и мало оплачиваемую работу. Сейчас он снимал квартиру, а цены на жилье все росли. Поэтому Сгорбыш брался за любую халтуру. Ему разрешалось делать «левые»

снимки в студии, принадлежащей редакции. В свободное от работы время.

Студией была часть огромной комнаты с дверью в гримерку. Эту комнату разделили ширмой надвое. В задней ее части, так называемом «заднике», находились три рабочих стола. Там сидели сотрудники редакции, которых звали «на птичьих правах». Они и сидели, как на жердочках. Привычка раскачиваться на стуле, балансируя на двух его задних ножках, была заразна. Кого бы ни сажали на «задник», уже через неделю он начинал раскачиваться. А потом грызть карандаши. Если сотрудник в редакции закреплялся, его переводили в кабинет, где можно было закрыть дверь. Это считалось повышением.

Путь в гримерку лежал через «задник». Каждую звезду, описывающую траекторию на небосклоне славы с заходом в нашу студию, «на птичьих правах» провожали жадными взглядами. Потом изо всех сил начинали раскачиваться и грызть карандаши. Полагаю, из-за этого временных сотрудников так часто и увольняли. В таких условиях невозможно работать. Они что-то лихорадочно писали, маятниками раскачиваясь на стульях-жердочках, а на другой половине в это время творил Сгорбыш. Освещение в комнате было фантазмагорическим. В центре ширма, за ней горят три настольные лампы. Весь свет направлен от нас. Источников освещения на нашей половине хватает. «На птичьих правах» тщательно пытаются рассмотреть, что творится за ширмой. Но это

невозможно. Зато они слышат каждое слово. Начинают шушукаться. Двигать стулья. Действо то и дело прерывается возмущенным криком Сгорбыша:

– Эй, там! На заднем плане! А ну-ка тихо!

Или:

– Кофе нам! Задник, оглох?

Страсть женщин к фотографии меня до сих пор изумляет. Они говорят, что хотят запечатлеть свою молодость и красоту, чтобы было что вспомнить. На мой взгляд, вспоминать об этом больно. Чем красивей была женщина, тем больнее. Они должны бегать от фотографа, как от чумы, согласно моей логике. Но женская логика особая. Я думаю, им нравится страдать. Смотреть на старые фотографии и плакать: ах, какая я несчастная! Жизнь-то прошла! Женщин хлебом не корми, дай пострадать.

Это я все к тому, что от клиенток у нас отбою не было. Сгорбыш делал портфолио. Не думайте, что за этим к нему в студию приходили только модели. Этих я понимал. Часами, терпеливо позируя Сгорбышу, они рассчитывали подороже себя продать. Я бы снимал их только на цифру, потому что души у них не было. Им не нужна глубина, им нужно *качество*. Если вы не в курсе, фотография полнит. Даже идеальное тело (90–60–90) требует дополнительной корректировки. По этой причине такой популярностью пользуются пятнадцати-шестнадцатилетние девочки, которых гримируют под взрослых женщин. Именно не оформившиеся еще

худышки смотрятся на снимках идеально.

Но с женским телом приходится работать, чтобы оно выглядело достойно. Вот где пригодился талант Сгорбыша! Земля же слухами полнится, и начинающие модели шли к нему косяками. Через неделю я стал относиться к ним так же, как они ко мне: как к мебели. Они раздевались, не обращая на нас внимания и перекатывая во рту жевательную резинку. Причем раздевались сразу до трусов. Самые популярные фотографии были топless. Через два месяца у меня возникло ощущение, что производству силикона не грозит кризис ни при каких условиях. Я видел девушку с восьмым номером, которая утверждала, что до операции у нее был пятый. Рекомендуются увеличивать грудь не более чем на три размера. Вот девица и увеличила. Надо же что-то сделать! Женщины уверены: чтобы заполучить принца, надо что-то с собой сделать. Большинство предпочитают менять внешность. Что ж... Это их право.

Была категория женщин, которые делали портфолио, чтобы найти себе мужа. По своим параметрам они не вписывались в модели, но тоже хотели подороже себя продать. Портфолио отправлялось свахе, та начинала искать покупателя. У нас и за рубежом. «Невеста» ждала и копила деньги на очередную фотосъемку. Сгорбыш и здесь был на высоте: он терпеливо делал из них красавиц. Показывал их ум и доброту. Я пожимал плечами: а что скажет жених, когда увидит натуру? Если только ум и доброта победят...

Была и третья категория женщин. Условно я бы ее назвал «с жиру бесятся». Красивые, холеные, состоятельные дамы. Замужние. Им не было необходимости себя продавать: все уже свершилось. Но они-то и оставляли в студии у Сгорбыша огромные деньги.

– Это уже пятый... – сказал как-то Сгорбыш, когда под шушуканье «задника» студию покинула высокая злющая брюнетка.

– Что – пятый?

– Пятый альбом. Она ходит сюда раз в месяц. И каждый раз недовольна результатом. Хотя куда уж лучше? Оставляет каждый раз по тысяче долларов.

– Зачем ей это нужно?

– Деньги девать некуда, – зло сказал Сгорбыш.

– Тебе-то что? Дают – бери.

– Ты не понимаешь... У нас в стране пенсия в разы меньше.

– Откуда ты знаешь? Ты на пенсии?

– Нет еще.

– Сколько же тебе лет? – удивился я.

– Пятьдесят пять.

– А я думал, больше! Вот и радуйся, что у тебя есть работа!

– Ты не понимаешь, – с тоской сказал Сгорбыш. – Это ж такие деньги! Выбросить на ветер тысячу долларов! Подружкам показывать за бокалом мартини. А через месяц придет

ко мне. За новыми ощущениями. Или новую шляпку в Париже купила. Надо же запечатлеть! Попробуй, скажи ей о пенсии!

Я задумался. Для меня тысяча долларов были небольшие деньги. И брюнетка меня не удивляла. Я и не такое видал. Зато она удивляла Сгорбыша. Бедные люди не понимают, почему богатые так себя ведут. А те не понимают, в чем, собственно, их ошибка? Они не задумываются над тем, что за раз швыряют на ветер несколько месячных зарплат или пенсий. Потому что думают о другом. А места в нашей голове не так уж много. Нас может занимать либо одна проблема, но значительная, либо множество пустяков. Одна важная мысль способна вытеснить все остальные. К примеру, те, кто занят бизнесом, уж точно не думают, сколько пенсий оставляют за ужином в ресторане. Я вспомнил своего отца. Он бы со Сгорбышем поспорил. Нет. Не стал бы. В этом его сила. Он никогда не оправдывается и никому ничего не объясняет. Я тоже благоразумно промолчал.

Сгорбыш мне был симпатичен. Когда я привык к нему, а он ко мне, мы стали друзьями. Странная такая дружба. По непонятным причинам мы друг к другу прикипели. Он так и называл меня: сынок. А я его Горб. Или: папаша Горб. Он думал, что я альфонс, но простил мне это. Я же предпочитал ничего не объяснять. Альфонс так альфонс. Квартира, которую я снимал, была больше, лучше и ближе к центру, чем его однокомнатная берлога на окраине. Я подозревал,

что у Сгорбыша есть сбережения. Работал он много, а семьи у него не было.

– Когда ты купишь квартиру, Горб? – спросил как-то я.

– Квартиру? Ох, сынок... Квартиру! Да ты знаешь, сколько она стоит!

– Но у тебя же есть сбережения?

– Кое-что есть. На достойные похороны хватит, а на квартиру вряд ли.

– А хочешь, я тебе помогу? – великодушно предложил я.

– Чем?

– Денег добавлю.

– Ты подпольный миллионер?

«Ну почему же подпольный?» – захотелось ответить мне. Я Принц. Его Высочество. Наследник Империи. Временно живущий в трущобах. Дай Бог моему отцу долгих лет жизни! Меньше всего я хочу брать на себя ответственность: управление Империей. Место в совете директоров не стоит мне ничего, но одновременно стоит свободы. А это для меня все. А сколько стоит квартира для Сгорбыша? Как отреагирует отец, если я попрошу денег для кого-то? До сих пор я просил для себя. Я – достояние Империи. Мало того: я ее надежда. Ее будущее. Поэтому в меня вкладывают деньги. Мне все прощают. Но Сгорбыш Империи никто. Я должен помочь ему сам.

И я помогал. Вместе мы подрядились на работу, которая поначалу показалась мне странной. Была некая фирма, ко-

торая занималась подарками. Причем необычными. На юбилей, на день рождения, к свадьбе. Когда в магазинах пусто, хорошим подарком считается любая дефицитная вещь. А когда полки ломаются? Когда магазинов вокруг – море? Да что там! Океан! Заходить в каждую гавань? Так жизни не хватит. Проблема выбора на самом деле гораздо сложнее, нежели проблема отстоять огромную очередь. Терпения нам не занимать, а вот с фантазией бедновато.

По своей маме знаю, как долго приходится ломать голову накануне юбилея людей, которые особенно дороги. Еще дольше, когда это люди нужные. Богатые, которых деньгами не удивишь. Поэтому в дефиците люди с фантазией. Могущие просчитать клиента, изучить его привычки, узнать заветное желание и подарить ему то, от чего клиент придет в восторг. Ведь подарок – двигатель прогресса. Цемент, на котором держится здание дружбы. Что уж говорить о любви! Некоторые мужья так заняты, что не успевают придумать подарок второй половине. А жены их настолько свободны, что не устают ждать чего-то особенного. Возникает диссонанс, который грозит разрушить брак. Поэтому проблемой подарка любимой женщине состоятельные мужья озадачивают фирму, на этом специализирующуюся. И правильно делают.

Среди оригинальных подарков фирмы, в которой мы со Сгорбышем подрабатывали, была необычная услуга. Она называлась: «Представьте себя жертвой папарацци». Фотограф

(или группа фотографов) весь день ходил за «клиентом» и тайно делал снимки. Потом из них составлялся альбом: «Один день из жизни господина К». Или «Незабываемая встреча с друзьями». «Поездка за город, на пикник». Идею вы, полагаю, поняли. В день рождения или на юбилей клиент получал в подарок фотоальбом. В дорогом переплете, красочно оформленный. Вот такой фокус. Говорят, все довольны.

Стоила эта необычная услуга от десяти тысяч рублей и до... Поскольку фантазия у людей неограниченна, то и сумму ограничивать нельзя. Вдруг кому-нибудь захочется подарить на память другу альбом «Один день в Арктике»?

Работа была разовая, и Сгорбыш брался за нее охотно. К примеру, в свой выходной день. Платили хорошо, хотя львиная доля прибыли уходила фирме-организатору. Но и нам тоже перепадало. Ха-ха! Сгорбыш во что бы то ни стало решил меня перевоспитать! Сделать из меня человека! Отучить жить за счет женщин! Потому и таскал повсюду за собой, щедро делясь прибылью. Я изнывал от желания во всем ему признаться. Мне было стыдно брать у него деньги. Каждый раз я мысленно говорил себе: это в долг. Придет время, и я верну все сполна. Но я не успел. Время отдавать долги, а некому. Выход один – отыскать его убийц и отомстить. Организовать достойные похороны. С оркестром!

Вот здесь мы и подходим к сути. Я вкратце обрисовал, чем мы со Сгорбышем занимались. Уж, конечно, не промышлен-

ным шпионажем. Бытовая фотосъемка и портфолио. Плюс светские тусовки. Открытие бутиков, ресторанов, банкеты, фуршеты. В одном из этих мест и были сделаны роковые фотографии. Случайно, я в этом уверен. Сгорбыш зарабатывал деньги честно, он никогда бы не связался с криминалом. Тем не менее его убили, и он оставил для меня странное послание.

Я пришел домой, выпил за помин души своего напарника и разложил перед собой барахло из конверта. Тут и думать нечего.

Бусы означают «шерше ля фам». Ищите женщину. Что не удивительно, так как большинство наших клиенток были женщины. Хотя встречались и мужчины-модели. Однажды даже я... ха-ха! Позировал Сгорбышу! Он сказал: нужна практика. Кому? Ему или мне? Этого я так и не понял. В общем, он сделал мое портфолио. Я не сопротивлялся, хотя позировал неохотно. Эта ленца оказалась просто находкой. Фотографии вышли на загляденье. Моя мать была в восторге, а я – в отчаянии. Вылитый Пупс. Пупсеночек.

– Красавчик, – довольно сказал Сгорбыш. – Я тобой горжусь...

Из-за дешевых бус мужчин я отмел сразу же. Шерше ля фам. Я буду искать женщину. И ее ревнивого мужа. Или любовника.

Я. Недаром Сгорбыш приложил мою фотографию три на четыре. Кстати, откуда она у него? Щелкнул в тот же день,

когда составлял мое портфолио? А зачем? Похожа на те, что клеивают в анкету. Нацепив октябрятскую звездочку, я буду искать женщину, из-за которой Сгорбыша убили. Почему не пионерский галстук? Видимо, Сгорбыш хотел этим сказать, что задачу способен решить и младенец. Понял, не тупой.

Набойка. От туфли. Гм-м-м... Еще раз подтверждает: Лео, ищи женщину. Не отвлекайся.

Что же касается проездного билета... Ищи ее в метро? Или: поезжай на метро. Ладно, учту. Буду пользоваться общественным транспортом.

Открытка. Ага! Как только найдешь ее, поздравь с праздником Восьмое Марта и подари цветы! Все понял.

Шприц. Как только найдешь ее, можешь расслабиться. И хотя я никогда не кололся...

Черт его знает? Может, по аналогии? Покури, Лео, расслабься. Ладно. Так я и сделаю.

Семечка. Попала сюда случайно. Она ведь такая маленькая. Ну, это можно просто выкинуть. Что я и сделаю. Нет, подожду. Я съем ее на закуску, когда найду женщину.

Картина ясная. Я выпил еще и расслабился. Подсказка понятна. Теперь надо воскресить в памяти сомнительные эпизоды. Когда мы со Сгорбышем попадали впросак. Когда у нас случались накладки. Когда нам угрожали скандалом. Или же мы ожидали скандала. Покопавшись в памяти, я нашел три таких эпизода.

Представляю их в хронологическом порядке.

Съемка: эпизод первый

На банкетах и фуршетах я бывал со Сгорбышем крайне редко. Ведь с такой работой при помощи цифры может справиться и младенец. Сгорбыш же был фотографом экстра-класса, а не дешевым репортеришкой. Не его королевское дело бродить среди приглашенных, время от времени шелковая цифровым фотоаппаратом. Но, как и везде, случаются накладки. Ну некого послать. Кто на фронте, кто в ремонте. Кто загружен работой, остальные в отпусках. И едем мы со Сгорбышем.

Когда к репортеру светской хроники приставляют сопровождающего – это смешно. Но шеф-редактор вызвала меня и сказала:

– Леня, ты же понимаешь: на фуршет Павел Александрович не может поехать один.

Я все понял: халявная еда, а главное – выпивка. Среди гостей, ожидающих банкета, ходят официанты с подносами, предлагают шампанское. А потом и сам банкет. Если Сгорбыш туда попадет... Ох, что будет! Ладно, он сам напьется. Но, напившись, он делается неуправляемым. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. А у фотографа на пленке. Пьяный Сгорбыш способен наломать дров. Мы с шеф-редактором были друзьями, и я согласился. А потом сообразил: Лео, тебя же могут опознать!

Мы ехали на открытие модного бутика. Как правило, фотоотчет об этом значительном событии помещался в конце нашего глянцевого журнала. Надо было отснять всех звезд, получивших приглашение на мероприятие, и разбавить их просто красивыми лицами. Под которыми написать: «светская львица». Или: «видный бизнесмен». В былые времена среди этих лиц запросто могло мелькнуть и мое. Вот этого я и боялся. Давненько не появлялся я на светских раутах, но мои замечательные губы забыть трудно.

Сгорбыш же понял мое волнение по-своему:

– Не тушуйся, сынок. Они такие же люди.

– Кто – они?

– Звезды. Олигархи.

Это я знал и без него. Через мою постель прошло немало звездных тел, и все они не прочь были там задержаться. Меньше всего я хотел сейчас попасться этим особам на глаза. Я давно уже понял: в светской тусовке нет ничего стоящего. В смысле невест. Все они не первой свежести, если уже не первой молодости. А когда они первой молодости, на них еще нельзя жениться. Они успевают испортиться, не успев повзростеть. Учитывая мою порядочность, я могу стать жертвой какой-нибудь охотницы за миллионерами. А без любви моя жизнь будет пуста. Как, интересно, я смогу сделать своей жене пятерых детей?

Поэтому я и стоял в дверях, пытаюсь спрятаться за официанта. Увы! С моим ростом это сделать трудно. Я выглядывал

знакомые лица. Я их считал. И гадал: как же мне поступить? Если я буду ходить по залу с фотоаппаратом, это их позабавит. А мою мать огорчит. Слава богу, ее здесь нет! Она в последнее время много занимается благотворительностью и в данный момент занята на другом мероприятии. Туда поехали другие репортеры. А мы со Сгорбышем отправились сюда. Я так и не решался войти в зал. Сгорбыш же стоял рядом и гнусно хихикал:

– Ну что, сынок? Глаза разбежались? Да, это звезды! Люди *особенные*. Но ничего. Не тушуйся.

И он слегка подтолкнул меня в спину. «Сейчас начнется!» – с тоской подумал я, заприметив знакомую девушку. Ее родители были в особняке моих предков частыми гостями. Нас «сговорили» еще в юности. Я тогда учился в МГИМО и был на сто процентов благонадежен. Это и был вариант под названием «слияние капиталов». Я невольно поежился: мою шею сдавил воображаемый галстук.

– Я и не тушуюсь.

– Врешь! Не по себе, да? Этих красоток не так-то просто уложить в постель. Они себе цену знают. Они – звезды!

Как и все простые смертные, Сгорбыш считал, что звезды – это люди особой породы. Добиться их внимания – большая честь. Заговорить с ними – значило услышать глас небесный. Я же прекрасно знал, что это не так, потому и разозлился:

– Подумаешь! Эка невидаль!

– Не скажи. Тут твои шансы равны нулю. Ни одна из них

и головы не повернет в твою сторону, даже несмотря на твою смазливую физиономию. Они же звезды! – повторил Сгорбыш.

Этого я уже стерпеть не мог.

– На что спорим?

– Что-о? – Он даже распрямился. Вытянулся в струнку.

– Я укладываю в постель ту, на которую укажешь, а ты весь вечер не пьешь. Нет, мало: ты не уходишь в очередной запой в день получки.

Это было нечестно, но выбора у меня не оставалось. Скоро зарплата. Я должен его подстраховать.

– Сыно-ок! – насмешливо протянул Сгорбыш. – Да у тебя силенок не хватит!

Он еще сомневался в моей квалификации! Я разозлился всерьез:

– Это у тебя не хватит силы воли. Удержаться перед накрытым столом.

Я попал в точку: ему очень хотелось выпить. Он все время облизывал губы, а глаза его бегали. Он жадно провожал взглядом каждого официанта с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским. Все его мысли были о выпивке. Наступал момент, когда за бутылку алкоголя он будет способен продать и маму родную.

Поэтому Сгорбыш указал на звезду сериала, рейтинги которого зашкаливали:

– Видишь эту классную девочку?

– Ну. Вижу.

– Маленькая проблема: у нее есть парень. И он тоже звезда!

Ее парнем был актер из того же сериала. Таблоиды пестрели отчетами об их бурном романе, щедро поливая сие острое блюдо соусом «ах, какая любовь!». Сгорбыш-то был не промах! Но у него начинался алкогольный психоз. В таком состоянии люди проявляют чудеса изобретательности, лишь бы добраться до возжеленной бутылки.

– Парень, и что? – пожал плечами я. – Хоть муж! Главное, чтобы она не была беременна.

– Тебе не нравятся беременные женщины, сынок? – насмешливо прищурился Сгорбыш. – А как же пятеро детей, которых ты хочешь иметь?

– Вот потому, что я люблю детей, я не хочу разбивать сердце матери хотя бы одного ребенка, – отрезал я.

– Ох, какого мы о себе высокого мнения!

– Что? Пари?

– А доказательства?

– Чего ты хочешь?

– Если ты ее охмуришь, пусть завтра она придет к нам в студию. Или звонит туда не переставая. Пусть она тебя добивается.

– Такая мелочь? А как насчет ее фотографий в обнаженном виде?

– Это нереально, – усмехнулся Сгорбыш.

– Как же ты в таком случае узнаешь, что я с ней переспал?

Он задумался. Потом уверенно сказал:

– Она не даст сфотографировать себя топлес. У нее рейтинги. И парень.

– Мне не даст?

– Ну, ты и наглец! – не выдержал Сгорбыш. – Если ты это устроишь, я вообще брошу пить!

Это – то, что нужно. Выиграв липовое пари, я сразу попал в дамки. Ради этого я готов был собрать в охапку всех присутствующих здесь звезд, и... В общем, я готов был попробовать.

– Пока она не отходит от тебя, я не подхожу к накрытому столу, – пообещал Сгорбыш.

– Ты забыл о шампанском, – напомнил я.

– Что шампанское, – отмахнулся Сгорбыш. – Слону – дробина.

– Главное начать. Большое количество дроби способно завалить и слона. Давай-ка по честному, папаша.

– Идет, – с тяжелым вздохом согласился Сгорбыш. – Но учти: ее парень здесь.

– Тогда одно условие.

– Какое? – насторожился Сгорбыш.

– Ты прав: на репортеришку она не клюнет. Могу я замаскироваться под одного из гостей?

– А у тебя получится, сынок? – засомневался Сгорбыш.

Все складывалось как нельзя лучше. Он дал мне слово,

что не будет пить, пока от меня не отойдет актриска. Следовательно, миссия, возложенная на меня моим другом шеф-редактором, выполнена. Сгорбыш будет трезв, как стекло, и выполнит свою задачу. Фотоотчет будет представлен завтра утром в лучшем виде. И Горб не догадается, кто я на самом деле. Я его переиграл.

– Через пять минут я буду здесь своим, – заверил я своего начальника и уверенно шагнул в зал.

Меня сразу заметили. Улыбки, кивки в мою сторону, перешептывания. Блудный сын вернулся в родные пенаты. Надо сказать, я долго не появлялся в свете. А указанная актриса приехала в Москву недавно. Гораздо позже, чем я залег на диван. Минут десять она оставалась в неведении. Но потом ей шепнули на ушко:

– А ты знаешь, кто это? Это же...

И она узнала. Я поймал брошенный на меня взгляд. Этот взгляд дорогого стоил. Она уже была моя. Вот что значит репутация! Ей наверняка сказали, сколько звезд сделали от меня аборты. Ложные аборты, но обросшие настоящими слухами. Ее парень тоже был ничего: плечистый накачанный брюнет. Но у него не было папы-миллионера. Особняка на Рублевке. Дачи на Лазурном берегу. Не стоило даже оглашать весь список, чтобы девица поняла, кто я и кто он. Каковы мои перспективы и каковы его. Я немного поиграл мускулами: поцеловал в щечку ту самую девушку, с которой меня сговорили еще в юности, дочку богача с Рублевки. Небрежно

сказал «привет» поп-диве, которая вот уже лет десять царила на эстраде. С бокалом шампанского в руке постоял в группе чиновников и банкиров, которые прекрасно знали моего отца. С умным видом сказал несколько слов, и они благосклонно кивнули.

– Ну, ты артист! – шепнул, проходя мимо, Сгорбыш.

Похоже, здесь только он оставался в неведении. А сказать ему о том, кто я такой, было некому. Ведь он – мелкая сошка, репортеришка. С ним никто не общался. Репортеры из толстых журналов важничали и отворачивались, у них тоже иерархия. Все делали вид, что Сгорбыша не существует, хотя приглашенные на всякий случай поворачивались к камере лицом, чтобы снимки вышли правильные и четкие.

Наконец я подрулил к предмету нашего пари. Все что я помню: она была брюнеткой. Но глаза светлые. То ли серые, то ли голубые. Фигура, кажется, хорошая.

– Привет! – небрежно сказал я.

Момент был подходящий: ее парень куда-то отлучился. Она скучала в одиночестве: олигархи не баловали ее своим вниманием. В первые три секунды она не нашла что ответить. Я стоял перед ней – живой, заманчиво блестящий, самый настоящий, с бокалом шампанского в руке и с багажом испорченной репутации за плечами. И улыбался своей знаменитой улыбкой. Она не верила своему счастью. Но через пару минут уже начала строить matrimониальные планы.

– Как тебя зовут? – небрежно спросил я и отхлебнул шам-

панское.

Она ответила: Саша. А может, Маша.

– Ты здесь одна?

– С партнером по сериалу.

Он уже был просто «партнером по сериалу». Я «кинул» Сгорбыша. Разумеется, я мерзавец. Человек нечестный. А где вы здесь найдете честных? Мимикрия. Я мигом приспособился под окружающую среду.

– А я один. Зашел на огонек. Мама попросила.

Моя мать была светской львицей, одной из первых красавиц Москвы, несмотря на то, что скоро должна была отмечать полувековой юбилей. Она считалась эталоном вкуса, вот почему у актриски жадно заблестели глаза.

– Она покупает модели этого кутюрье? – с интересом спросила Саша, а может, Маша.

– Она ездит за модной одеждой в Париж. Или в Милан. В крайнем случае в Лондон, – ответил я. – Но с этим господином дружит, – я небрежно кивнул в сторону кутюрье, презентующего сегодня свою новую коллекцию. Моя мать никогда не носила одежду этой марки, но какое это имеет значение? Мы с юной актрисой вели светскую беседу. Точнее, я вел, а она стояла, открыв рот. В ее глазах мерцали бриллианты. Она жадно ловила отсвет огромного богатства.

Вернулся ее парень. Но это уже не имело никакого значения. Она не отходила от меня ни на шаг. Все, что от меня требовалось – позволить на себя охотиться. Изображать до-

бычу. Я улыбался, а Сгорбыш хмурился. Девчонка уже была уверена: курсы «как выйти замуж за миллионера» посещала не зря. И торопилась выдать все, чему ее учили. Не говорила со мной о деньгах, делала вид, что они ее не интересуют, расспрашивала о моих увлечениях, пристрастиях. Умненько молчала, время от времени говоря: «О! Как это интересно!»

Если бы это было со мной впервые... Ох, если бы впервые! Я знал, что их учат не форсировать события. Не отдаваться в первый же вечер. Вот потому, что я все это знал, я ее и переиграл. Причем легко. Ведь я был не только богат, но и красив. И провести со мной ночь было так лестно. В конце концов, она подумала: «Я сделаю так, что он меня никогда не забудет». Все они так думают. Стоит подарить мужчине незабываемую ночь, и он твой навеки. Ко мне это не относится. Все мои незабываемые ночи остались в прошлом.

С вечеринки мы уезжали вместе. Сгорбыш провожал нас мрачным взглядом. Я походя напомнил:

– Не забудь: ты мне обещал! Ни капли!

Он мрачно кивнул, пробормотав:

– Как тебе это удалось?

Я мельком подумал: что будет, если он раскроет мою тайну? Когда-нибудь это случится. Рано или поздно. Но не сегодня. Сегодня я праздную победу: он трезв как стекло. Он так расстроился проигранному пари, что даже алкогольный психоз прошел. Правильно говорят: клин клином вышибают.

По дороге я вкратце объяснил девушке, почему у меня

такая машина и почему мы едем на съемную квартиру, а не в наш особняк на Рублевке. Врал, разумеется. А что врал, не помню.

Что же касается ночи... Мне трудно назвать ее незабываемой. Девушку я тоже почти не помню. Хотя Саша (а может, Маша) очень старалась. Мне же нужны были только ее фотоснимки ню. Это я должен был сделать так, чтобы у нее отшибло мозги. Сегодня Сгорбыш трезв, но мне нужен залог его безалкогольного будущего. Он пообещал, что не будет пить *никогда*. Ради такого случая я мог позволить себе однажды быть мерзавцем. Где-то к полуночи я ее раскрутил.

– Милая, у тебя прекрасная грудь, – сказал я в тот момент, когда она лежала, опустошенная очередным оргазмом, и тупо смотрела в потолок. – Никогда не видел ничего прекраснее!

И я взял в руки фотоаппарат. Она улыбалась, все так же бессмысленно глядя в потолок. Я беспрепятственно сделал несколько снимков. Она потянулась, как сытая кошка, выгнула спину, раздвинула ноги. Она сама этого хотела.

– Я хочу оставить на память твое прекрасное тело, – продолжал я говорить пошлости.

Снимков уже было достаточно, но она все никак не унималась.

– Кем ты работала до того, как стала актрисой? – подозрительно спросил я.

– О! Кем я только не работала... – И тут она спохвати-

лась: – Я совсем не то хотела сказать...

Я поспешил ее утешить:

– Кошечка, мне ничего не стоит навести справки. Такие люди, как я, не женятся на ком попало.

– Что ты сказал? – она вся сжалась.

– За тобой что-то есть? Ты позировала для мужских журналов? Снималась в порнофильмах?

– Нет, но...

Я понял, что попал в точку. Она приехала в Москву из глубокой провинции. И сделала карьеру в постелях продюсеров. Я уже не чувствовал себя мерзавцем. Мне не нужен товар далеко не первой свежести.

– А если я забеременею?

Я рассмеялся:

– Солнышко. Не делай из меня идиота. Я прекрасно знаю, откуда берутся дети. Это не наш случай.

– Но в другой раз...

– Вот в другой раз и поговорим об этом.

Я дал ей надежду. Сгорбыш сказал: пусть она придет в студию. Пусть она тебя добивается. Правила игры были ясные. Я вдруг поймал себя на мысли, что этот странный человек мне дороже, чем все актрисы вместе взятые. Его здоровье, его талант. В отличие от этой девчонки, у Сгорбыша он был! Я сделал ставку на истинное, презрев ложное.

– Я останусь на ночь, – сказала Саша, а может, Маша.

– Хорошо, я вызову такси.

– Ты что, не слышал?

– Прекрасно слышал.

– Со мной так не разговаривают!

– Это *со мной* так не разговаривают, – жестко сказал я. –

Если ты хочешь проблем, ты их получишь.

– А как же мое прекрасное тело?

– Вот и побереги его.

Она уехала в два часа ночи. После того как все точки над *i* были расставлены, я сделал ей одолжение. Ее прекрасному телу. Ей не на что было жаловаться.

Когда Сгорбыш увидел снимки, он обалдел.

– Это же... сынок... Это же...

И поспешно их спрятал. Потом растерянно сказал:

– Но как так? Она ведь звезда!

– Вот так, – пожал я плечами.

Он выглядел жалко.

– Никогда больше не буду с тобой спорить, сынок. Все дело в твоей дьявольской улыбке. От нее женщины теряют остатки разума.

Они теряли остатки разума при мысли о деньгах моего папы. Улыбка здесь ни при чем. Но Сгорбышу необязательно об этом знать.

Ему до смерти хотелось выпить, но я был безжалостен. Я тоже решил сделать из него человека. Если Сгорбыш не будет пить, все изменится. Он непременно прославится. Наивный! Я забыл, что ему уже пятьдесят пять! В таком возрасте

трудно менять привычки. Чтобы умереть гением, надо в зрелые годы прослыть талантом. Именно в зрелом возрасте, не в юности. Молодым легко раздают авансы: будущий гений, огромный потенциал, талант мирового масштаба. Кончается все это плохо. Те, на чью юность и приходится пик формы, мучаются потом непониманием. А где же обещанное? Где мировая слава? И это всё? Похоже, что Сгорбыш из таких. Его будущее уже в далеком прошлом. Но локальная победа была мною одержана. Он временно «завязал». Вот почему я с такой уверенностью сказал девушке, выдавшей мне в психиатрической лечебнице заветный конверт: «Он же не пил!»

Хотя я сам был свидетелем срыва. Но об этом после. Сначала я завершу эпизод и поясню, почему отнес его к разряду криминальных.

Когда я отдал Сгорбышу снимки, он сказал:

– Отдай-ка мне на всякий случай и негативы, сынок.

– Зачем? – удивился я.

– На всякий случай.

– Я снимал на цифру.

– Тогда отдай карту памяти. Или ты очень дорожишь этими снимками?

– Ничуть. – И я отдал ему карту.

Дело было три месяца назад. А через месяц снимки появились в Сети. К этому времени рейтинги сериала, в котором снималась то ли Саша, то ли Маша, еще подросли. И все уже говорили о ее скорой свадьбе с главным героем. И на

экране и в жизни.

Что же касается наших с ней отношений, то они не сложились. Она звонила в нашу студию, поскольку я внес ее номер в черный список, и даже приезжала. И даже не один раз. Она дала интервью нашему журналу, хотя из-за возросшей популярности у девушки на это почти не было времени. Журналисты добивались ее изо всех сил. Она осчастливила лишь наш заштатный журнал по вполне понятным причинам. Я сказал, что являюсь владельцем издания, а в студии присутствую потому, что хочу контролировать процесс. В этом было немного лжи. Если бы я захотел стать владельцем журнала, папа мне бы его с радостью купил. Не мне вам объяснять, что прибыли в строительном бизнесе растут день ото дня. Законы, которые должны были сделать жилье доступным, были приняты вовремя. Мелкие фирмы разорились и ушли с рынка, а фирма моего отца, которая к таковым не относилась, стала процветать. То-то Саша (а может, Маша) так старалась!

Кстати, ее снимки и интервью принесли нашему изданию неплохую прибыль. Тираж возрос, и в редакции праздновали победу шампанским. А что касается *тех* фотографий... Сначала появилась статья. «Желтое» издание с многомиллионным тиражом опубликовало одну из них, благоразумно прикрыв-таки натуру фиговым листком. Тут же было краткое сообщение, что свадьба с актером расстроилась. И опровержение героини скандала. Это, мол, фотомонтаж.

Кому как не мне было знать, что снимки подлинные? Я залез в Интернет и увидел их все. Сайт оказался одним из самых посещаемых. Туда теперь было паломничество. Выходит, я всем приношу прибыль? Все, к чему я прикасаюсь, обращается в золото! А где мой процент? Я разозлился было на Сгорбыша, но потом остыл. Тот был не в ладах с компьютером. Обнародовать снимки посредством Интернета? Это для Сгорбыша слишком. Но каким-то образом они туда попали. Неужели он их продал? Деньги ему нужны. Что ж, я ведь хотел ему помочь. И помог. Саша или Маша может заказывать сколь угодно опровержений, но есть первоисточник. Доказать, что снимки подлинные – раз плюнуть.

Не подразумевал ли Сгорбыш под словом «НЕГАТИВ» эту карту памяти? У актрисы нашлись защитники. Она оказалась девушкой умной и предприимчивой, и ее карьера пошла в гору. Ей предложили роль в полнометражном фильме, но для начала надо было замять скандал. Вскоре после того, как были обнародованы снимки, произошел маленький инцидент. Я возвращался домой, и у подъезда на меня налетел качок, чье лицо мне показалось знакомым. Получив же хороший удар в солнечное сплетение, я прозрел окончательно. Это был ее жених! Саши или Маши.

Скажу сразу: со спортом я не в ладах. У меня не спортивный характер. Нет воли к победе. Должно быть потому, что я все получил без боя. Маменькин сынок, инфантильный тип. С диагнозом «замедленное развитие». Чем я только не зани-

мался! Плаванием, теннисом – большим и настольным, легкой атлетикой. Разве только тяжелой не занимался. Штанга не по мне. Выдающихся результатов я нигде не достиг. В десятом классе меня даже записали в секцию дзюдо, чтобы укрепить мускулы и закалить характер. Тренер облюбовал меня своей жертвой и на каждой тренировке раз по двадцать укладывал на татами. Моя смазливая физиономия приводила его в бешенство. Как будто я ее выбирал! Он показывал на мне, как проводить захват и бросок через бедро. А также через спину. Я взлетал и падал, взлетал и падал. Улыбаясь, поднимался.

– Петровский, что ты лыбишься?

– Мне больно.

– От боли плачут.

– Я не знал.

Улыбка не сходила с моего лица, и он укладывал меня на татами еще раз. И еще. Однажды с такой же улыбкой на лице я провел удачный прием и хрястнул его так, что он скривился от боли. На следующий день еще раз. И еще. Потом он выбрал жертвой новичка, а от меня отстал. С дзюдо у меня все равно не сложилось, но тот прием я на всякий случай запомнил. Когда на меня налетел качок, я сначала выровнял дыхание, уж очень хорош был удар, а потом нежно заломил ему руку:

– Спокойно-спокойно-спокойно...

– Ах ты...

Пришлось провести прием, иначе парень бы не успокоился. Потом я ждал, когда он выговорится. Запас матерных слов по моим подсчетам должен был иссякнуть минут через пять. Я знал его роль, в ней было мало текста. Все, что от него требовалось, делать мрачное лицо и посредством кратких реплик изображать из себя крутого пацана.

– В чем дело? – спросил я, когда он взял паузу, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. Для очередного залпа ругательств.

– Да тебя убить мало!

– За что?

– Ты думаешь, мажорам все можно?

Я наморщил лоб. Какое старое, забытое слово. Так меня называли много лет назад. Я тогда поступил в МГИМО. Мальчишки-мажоры. Одна из причин моего срыва и бегства из престижного института. Я хотел быть иным. Но это давно уже прошло, и его слова меня ничуть не задели.

– Может быть, мы поднимемся ко мне и выпьем что-нибудь? – вежливо предложил я.

– Не буду я с тобой пить! – Он снова начал материться. Но руки больше не распускал. – Где негативы?

– Какие негативы?

– Она мне все рассказала!

– Что – все?

– Ты ее напоил и заставил позировать!

Эта версия мне понравилась. Я представил себя в роли

маньяка. Круто. Я молод, красив, у меня есть деньги, и я *заставляю* женщин ложиться со мной в постель. Он идиот или лопух? А дерется хорошо. Как мужчина. Но я тоже мужчина и не стал унижать себя сплетнями. Рассказами о подвигах его возлюбленной. Зачем? Сами разберутся. Сказал только:

– Я снимал на цифру. Карты памяти у меня нет. Я ее отдал.

– Кому?

– Напарнику.

В тот момент я и не думал, что подставляю Сгорбыща. Я говорил правду. Это самый простой и приятный способ выражать свои мысли и чувства. Попробуйте, и вам понравится.

– Значит, твой напарник...

Вновь поток матерных слов. Мне начинало надоедать. Не понимают люди, когда с ними по-хорошему. Я резко толкнул его к кустам, где было темнее, и сказал:

– Заткнись!

– Отстань от нее! Думаешь, если у тебя есть деньги, то все можно?

– Да!

– И на таких, как ты, найдется управа...

– Уж не убить ли ты меня собрался? – с иронией спросил я.

– Сначала я разберусь с твоим напарником. Это ведь тот самый фотограф, от которого ты ни на шаг не отходишь? Только и разговоров об этом! Правильно говорят, что бога-

чи – извращенцы, но ты всех переплюнул. Старик, да еще и алкаш! Ну и вкусы у тебя! – И он ухмыльнулся.

Пришлось-таки подраться. Не скажу, что я вышел из схватки победителем, но и не уступил. Если человек не видит другого способа выяснить отношения, отчего бы не пойти ему навстречу? Он удачно подбил мне глаз, а я применил болевой прием и повредил его активную руку. Он оказался левшой. Я думал, что после этого он от нас со Сторбышем отстал. Пошел слух, что помолвка расторгнута. Во всяком случае, о свадьбе актеров популярного сериала говорить перестали. Они поженились только согласно сценарию, но последние серии были откровенно плохими. Жених смотрел на невесту с ненавистью, а она кусала губы от злости. Боюсь, продолжения не будет, как бы ни просили телезрители.

А потом она сразу же получила роль в блокбастере. С огромным бюджетом. Парень же остался не удел. Я справился у моей всезнающей матери: в чем дело?

– Нашелся богатый спонсор, – с тонкой улыбкой сказала она. И назвала известную фамилию.

Я задумался над этим сейчас, когда Сторбыша убили. Девушка подбила-таки богатую добычу. Что ж, она хорошенькая, умненькая, предприимчивая. Я оскорбил ее чувства, и она будет мне мстить. Денег у ее покровителя достаточно. А негативы пикантных фотографий надо изъять, ведь ее ждет блестящая карьера.

Вот почему я отметил этот эпизод галочкой. Надо бы

узнать судьбу той карты памяти. И мрачного брюнета, который по окончании сериала оказался не у дел.

А пока мы перейдем к эпизоду номер два.

Съемка: эпизод второй

Примерно через месяц после первого инцидента с актерами сериала я попал в другой. Меня преследовали мыльные оперы. Будь проклята моя улыбка! Я всю жизнь мечтал стать героем крутого боевика, но на мою долю выпадают одни лишь мелодрамы.

Итак, я вновь попал на банкет. Правда, на этот раз уже без Сгорбыша. После того случая шеф-редактор стала мне доверять. Она даже сказала:

– Леня, ты молодец. У тебя хорошо получается.

Меня похвалили! Подумать только! Похвалили за то, что я *хорошо работаю!* Вы не поймете, что это значит для бездельника по рождению! Значит, могу? Я могу работать! Зарабатывать деньги! Ведь это благодаря мне тираж издания вырос! Хотя они этого и не знают. Я за рейтинги не платил, но придумал, как их устроить. Звезда сама приехала к нам в офис. Сама дала интервью. Я ее не заставлял. Остальное можно опустить.

Мне стали доверять, и я отправился на банкет один. Сгорбыш остался в студии печатать фотографии. Ехал я без боязни. Задание было мелкое. Фирма праздновала юбилей и заказала у нас статью и фотоотчет. Интересы фирмы лежали в области далекой от строительства. Олигархов и важных чиновников не ожидалось. Мои родители вращались в об-

ществе рангом повыше, а приглашенные звезды были столь мелкого калибра, что не знали в лицо сильных мира сего. Не были им представлены. Все эти звездочки были так юны, что не могли помнить и моих подвигов. А сплетни о них давно уже перешли в разряд легенд. Возможно, что легенду обо мне они и слышали, но не представляли, как выглядит ее герой. В общем, это были люди не моего круга, и я не боялся, что меня опознают.

Ох уж эти круги! Или *уровни*. Жизнь похожа на компьютерную игру: чем выше уровень, тем больше монстров и тем они страшнее. Но у тебя больше оружия, это плюс. Зато меньше жизней, это минус. Можно добраться до самого верха и потерять последнюю. Но кто не играет, тот и не выигрывает.

Я натянул на лицо маску халдея и поехал работать. Я был сейчас человеком низшего уровня. Я стоял в самом низу социальной лестницы, задрал голову вверх. На мне был дешевый костюм и рубашка не первой свежести. Я даже не стал бриться. Человек богемы. Вокруг полно монстров, но все они безобидные.

Им есть дело друг до друга, но не до тебя. На этом уровне главное растолкать локтями соперников. Монстры против монстров. Это потом они начинают дружить. Но это уже следующий уровень. На высшем же сплошная дружба. Поэтому туда уже не прорваться. Монстры берут вершину в кольцо, сцепив руки, и это кольцо не разорвать.

Моим единственным оружием был фотоаппарат. Я взял его наизготовку и смело вступил в бой. Мне улыбались. Обьективу, который был у меня в руках. Все было тихо-мирно. Я рассчитывал уехать уже часов в десять.

Прелюдия была краткой, все повалили в банкетный зал. После третьей рюмки меня вообще перестали замечать. Я заскучал. От скуки сделал несколько снимков, до тошноты скучных. Папарацци здесь делать было нечего. Ни одной стоящей звезды. Не считать же звездой хорошенькую блондиночку, лицо которой вроде бы знакомо? Где я мог ее видеть? Я напрягся. Последний раз я был в театре, дай бог памяти... С мамой. Похоже, эта девочка – актриса. Молоденькая, только-только окончила театральное училище. Или еще даже не окончила.

В этот момент сидящая рядом женщина схватила блондиночку за руку и потащила на сцену. Та поупрямилась, но пошла. Все уже были хороши, концерт закончился, началась дискотека. У ступенек женщина блондиночку отпустила. Девушка споткнулась, покачнулась и чуть не упала. Я щелкнул фотоаппаратом. Снимок должен получиться удачным. Блондиночка заметила вспышку и оглянулась. Я улыбнулся. Она взошла-таки на сцену. Я так увлекся, что щелкнул ее еще пару раз.

Вот, собственно, и все. Банкет для меня закончился. Я уехал домой и завалился спать. На работу, разумеется, опоздал. Зато Сгорбыш пришел вовремя. С тех пор как он «за-

вязал», опаздывать перестал. Все у меня спрашивали:

– Как ты этого добился?

Я только улыбался и разводил руками. Пари есть пари. Долг чести.

– Опаздываешь, – буркнул Сгорбыш. Чем дольше он находился в «завязке», тем больше мрачнел.

– Извини. Я был вчера на банкете.

Он бросил на меня злой взгляд. И подозрительно спросил:

– Небось надрался?

– Горб, ты же знаешь: я не пью.

– Заливай!

– Ты меня пьяным видел?

– Выпивши.

– Врешь! Я всегда адекватен.

– Я и не говорил, что мордой в салат.

– Пить вредно.

– Все пьют, – начал бурчать он. – Особенно на халяву.

Говорят, что не пьют, а на самом деле пьют. Нельзя не пить...

Я понял, что разговор о выпивке надо заканчивать.

И предложил:

– Закурим?

– А у тебя что, есть травка? – понизив голос, спросил он и начал оглядываться.

– Нет, конечно.

– А с чего ты вдруг решил закурить? – подозрительно спросил Сгорбыш.

– Чтобы отвлечь тебя от мыслей о...

Черт! Это было запретное слово! Он ухмыльнулся и вытащил из кармана мятую пачку сигарет. Одну протянул мне:

– На.

– Здесь нельзя курить, – попробовал отвертеться я.

– Пойдем на лестничную клетку.

– Ты мне мстишь, да? Хочешь отравить мои легкие этой дрянью в отместку за то, что я заставил тебя бросить пить?

– Ты мерзавец, сынок, – заявил Сгорбыш. – Ох, и мерзавец!

Я похолодел: он раскрыл мою тайну? Понял, что я его надул? Что это было липовое пари?

– Как будто ты никогда не пил и не курил! – продолжал он. – Пил, курил и развратничал. Ты и сейчас это делаешь, но решил надо мною поиздеваться. Над старым больным человеком.

– Курить я тебе не запрещаю, – возразил я, вздохнув с облегчением. Моя тайна сохранена.

– Что толку в сигарете, коли нет выпивки?

– Твою мать! – рявкнул я. Мое терпение лопнуло. – Мужик ты или не мужик?

– Я-то мужик, – ухмыльнулся Сгорбыш. – А вот ты-ы... Альфонс, вот ты кто!

Ах, вот до чего дошло! На личности перешли! Он хочет от меня избавиться. Оскорбить, чтобы я отказался от этой работы. И автоматически освободил бы его от данного слова.

За каким чертом мне это нужно? Возиться с ним? Я уже собрался хлопнуть дверью и направиться напрямиком в совет директоров, как вошла она. Хорошенькая блондиночка со вчерашнего банкета. Сказала:

– Здравствуйте. – И неуверенно начала оглядываться. – А где...

– Чего тебе надо, птаха? – нелюбезно спросил Сгорбыш.

«Задник» зашущукался.

– Ах, вот вы где! – сказала она, заметив меня.

– Мы разве знакомы? – пожал плечами я.

– Нет, но... Мне надо с вами поговорить.

Так и знал: она снимается в низкобюджетных сериалах! «Мне надо с вами поговорить». Кому охота, подсчитайте-ка, сколько раз эта фраза прозвучит в одной серии.

– Вчера, на банкете... – она замялась.

Сгорбыш соединил нас взглядом:

– Те-те-те... Так вот почему ты опоздал! Наш пострел везде поспел! Девушка, этот красавчик – бабник. Не доверяйте ему. Вы не первая сюда приходите. Наутро он даже не помнит ваши имена.

– Заткнись, – сказал я.

– Что вы себе позволяете! – вспыхнула блондиночка.

– Я позволяю? – сказали мы со Сгорбышем хором и переглянулись.

– Как вас зовут? – спросила блондиночка.

– Павел Сгорбыш.

– Леонид Петровский, – отрекомендовались мы оба.

– Я хотела бы поговорить с Леонидом.

– Перекур отменяется! – весело сказал я. – Девушка, могу я вас угостить чашечкой кофе?

– Кофе? Да, так будет лучше.

Сгорбыш проводил меня мрачным взглядом. Так и есть: он мне завидует. Моему успеху у женщин. Из нас двоих она выбрала меня. Я сопровождал ее в кафе, что было расположено на первом этаже. Время было раннее, народу немного. Мы сели за дальний столик.

– Кофе? – спросил я. – Или чего-нибудь еще? Пирожных, например.

– Только кофе. Двойной эспрессо.

Она заметно волновалась, и я подумал: с чего бы это? Но пошел за кофе. Поставил чашечку перед ней и чашечку перед собой. Подумал: не перейти ли на французский? Раз светская беседа? Или рано? Разговор начала она:

– Леонид, вчера на банкете... – Блондиночка замялась.

– А что на банкете? – невинно спросил я.

– Вы меня сфотографировали в тот момент, когда я поднималась на сцену.

– Было.

– Я споткнулась и... Со стороны могло показаться, что я пьяна. Но я вообще не пью! Красное вино, и то чуть-чуть. Просто у меня... У меня плохое зрение. Я сделала операцию, но с тех пор плохо вижу в темноте. Я споткнулась из-за этого.

Я была абсолютно трезва!

– Бывает, – согласился я.

– Мне хотелось бы, чтобы эти снимки никуда не попали.

Те, где я в неприглядном виде.

Поймите, моя карьера только начинается! – с отчаянием сказала она.

– А чем вы занимаетесь? Простите. Я знаю, что вы актриса. Я часто бываю в театре. Но вы сказали: карьера. Серьезное предложение?

– Да, – кивнула она. – Я прошла кастинг в сериал.

– А я-то думал... – разочарованно протянул я.

– Но надо же с чего-то начинать!

– Сколько вам лет?

– Двадцать два.

– А как вас зовут? – Я уже забыл, что отрекомендовался заядлым театралом.

– Олеся.

– Прекрасное имя! Олеся, вам так нужна эта роль?

– Очень! Поймите, у меня никого нет. В смысле, влиятельных знакомых. Мои родители люди простые. Я приехала в Москву из провинции, чудом поступила в театральное училище. Говорят, у меня талант. Но конкуренция огромная. Надо же с чего-то начинать, – повторила она. – Это, может быть, мой единственный шанс.

Я посмотрел на нее повнимательнее: неужели? В этой огромной куче, извиняюсь, дерьма отыскалась редкая жем-

чужина? Хорошая, чистая девушка. Честная девушка. Я неплохо знаю женщин: эта не врет. И как мило она краснеет!

– Олеся, я могу пригласить вас на ужин?

– Но я пришла насчет снимков.

– Так как насчет ужина?

– Не знаю. Нет.

Она оправдывала мои ожидания.

– У вас есть парень, так? – Мысленно я нарисовал портрет соперника: однокурсник, на лбу крупными буквами написано «я звезда», зато за душой ни гроша. Он скоро сопьется, предварительно сделав ей ребенка. Ее талант останется в борще и горе грязного белья, которое она каждый день будет талантливо стирать. И со столицей придется расстаться. Но ради ребенка она все стерпит, уедет домой, к маме, устроится на работу в библиотеку или в школу – вести театральный кружок... Эта девушка мне нравилась! Ох, как же она мне нравилась!

– У меня нет парня. Но...

– Что – но?

– Есть один человек... – она замялась. – Да вам-то какое дело?

– Если я приглашаю вас на ужин, значит, есть дело.

– Нет.

– А как же фотографии? Вы ведь хотите их получить?

– Ах вы...

Она резко встала. Столик покачнулся, кофе разлился. Я

тоже вскочил:

– Извините. Даю честное слово, что эти фотографии никогда не увидят свет.

– Спасибо.

Она пошла к дверям.

– Олеся! – окликнул я.

Она обернулась и повторила:

– Нет.

Я улыбнулся. Допил кофе в прекрасном настроении. Вернулся в студию, счастливо улыбаясь.

– Что это с тобой, сынок? – спросил Сгорбыш.

– Прекрасная девушка, правда?

– Да, хороша, – кивнул он. И с чувством добавил: – Красавица!

– Я не это имею в виду. Не внешность.

– Те-те-те... Сынок, ты ее не стоишь. Она и впрямь хорошая девушка. И ты будешь мерзавцем, если...

– Не беспокойся, папаша. Я знаю, с кем можно, а с кем нельзя. Я не буду ее домогаться. Я буду *ухаживать*, – мечтательно сказал я.

Можно было, конечно, завалить ее розами. Или даже орхидеями. Заказать контейнер из Австралии и утопить Олеся в цветах. Мой кредит по-прежнему неограничен. Можно прислать ей бриллиантовое кольцо, вложив в букет с орхидеями бархатную коробочку. Но это нечестно по отношению к моему сопернику. Я же хочу выиграть честно. И поэтому

останусь скромным помощником фотографа.

Через три дня я сидел на галерке с тощим букетиком в руке. На мне был дешевый костюм, хотя на этот раз я побрился. После спектакля мне удалось пробиться в гримерку при помощи одной лишь неотразимой улыбки. Там я вручил ей скромный букет.

– Спасибо, – улыбнулась Олеся. Роль у нее была крохотная, и мой букет оказался единственным.

– Так как насчет ужина?

– Нет. Но вы можете проводить меня до дома.

– Сойдет.

Мы вышли из театра, и она направилась к подземному переходу.

– Олеся, куда?

– Как – куда? В метро!

В метро-о... Как это было романтично! Я так увлекся, что спустился глубоко под землю без колебаний. И начал неуверенно оглядываться. В годы моих скитаний бывало всякое, меня и труппами не удивишь, но как же это было давно! Я уже успел подзабыть все прелести общественного транспорта, особый запах подземки, ее особый ветер и как-то особенно равнодушную толпу. Я по-прежнему неуверенно оглядывался. Олеся дернула меня за рукав и спросила:

– У тебя тоже проблемы со зрением?

– Что? Да, похоже.

Я вдруг рассмеялся и подумал, что многого раньше не за-

мечал. Был зашорен, как большинство людей моего круга, и думал, что все хотят меня использовать. Не замечал смены времен года, жизни, которая бурлила вокруг. Не замечал, как много в метро симпатичных девушек по той причине, что не замечал и самого метро. Одна из этих девушек – моя. Надо же!

Мы ехали на окраину Москвы. Без Олеси я бы заблудился. Мы мило беседовали о пустяках и незаметно перешли на «ты». Я очнулся лишь у подъезда ее дома. Она улыбнулась и сказала:

- Вот мы и пришли.
- По чашечке кофе? – великодушно предложил я.
- Нет.
- Тогда как насчет ужина?
- Я же сказала.
- Тогда договаривай: кто он?
- Я же сказала: есть один человек. – Она замялась.
- Какой человек?
- Продюсер. Он обещал мне помочь. Получить эту роль.
- Олеся, продюсеры ничего не делают за просто так, – мягко сказал я. – Значит, у него есть к тебе интерес.
- Он просто обещал помочь. – Олеся мило покраснела.
- Оно того не стоит, поверь.
- Но что же мне делать?
- Пойти со мной на ужин! – весело ответил я.
- Тогда я буду тебе должна. А мне... В общем, ко мне

нельзя. Это неудобно.

– Ты снимаешь квартиру?

– Комнату. И моя квартирная хозяйка строгая женщина.

Ко мне не ходят мужчины.

– Кроме продюсера.

– Он тоже сюда не ходит. Спокойной ночи. – И она убежала.

Я стоял под окнами и все гадал: какое же ее? На моем лице блуждала дурацкая улыбка. Похоже, я влюбился! Нет, я женюсь! Вот на что это похоже! Я достал из кармана мобильный телефон и позвонил ей:

– Олеся?

– Да?

– Я забыл сказать тебе: спокойной ночи!

– Спокойной ночи.

И она дала отбой. Даже не спросила, откуда у меня номер ее телефона. Я пошел к метро все с той же дурацкой улыбкой на лице. Я почти заблудился. Добравшись до стоянки у театра, неуверенно подергал за ручку, пытаюсь открыть дверцу своей машины, и только потом сообразил: заперта, стоит на сигнализации. Да она же ревет на весь квартал! Я, похоже, оглох. И ослеп. Потерял разум. Охранник мною заинтересовался. Я достал из кармана ключи и показал ему: все в порядке, это моя машина. Я сам уже в это не верил. Со мною происходило что-то странное. Похоже, что я созрел для женьшеньбы.

Следующим вечером я вновь сидел на галерке. Моя жизнь отныне превратилась в театр. В конце концов Олеся сказала:

– Ты разоришься на билетах.

– Да, – охотно согласился я.

– Достану тебе контрамарку.

Она уже обо мне заботилась!

Через пару недель Олеся, обеспокоенная тем, что я промокну и замерзну под окнами ее дома, пригласила к себе. И мы сидели на кухне в квартире, которую она снимала, и пили чай. О большем я и не мечтал. Квартирная хозяйка выразительно покашливала за стенкой. Но я не собирался соблазнять Олесю, я собирался на ней жениться. У нас впереди целая жизнь: успеется. Ведь надо сделать пятерых детей!

– Леня, извини...

– Что?

– Ты какой-то несовременный.

– То есть?

– Романтик.

Меня, циника и отпетого негодяя, прошедшего огонь и воду, называли романтиком! Я чуть не поперхнулся чаем.

– Не обижайся, – мягко сказала она. – Но жизнь – серьезная штука. В твоем возрасте пора уже задуматься: как жить дальше?

– Вот я и думаю.

– Тебе надо устроиться на другую работу. Заняться, наконец, делом.

– Да, конечно.

– Ты какой-то несерьезный, – повторила она.

– Что есть, то есть.

– Надо взрослеть, Леня.

Я не мог с ней не согласиться.

– И ухаживаешь ты старомодно, – вздохнула Олеся. – Ходишь на все мои спектакли, стоишь под моими окнами, дышишь в трубку.

Со мной это вообще-то было впервые. Я не выносил прелюдий и сразу приступал к делу. Я предпочитал дышать не в трубку, а в ушко очередной возлюбленной, разомлевшей от моих ласк. Недаром женщины называли мое тело гибким. Я и Олеся собирался продемонстрировать свое искусство, но потом. Видать, она этого не оценила.

Через месяц я решился ее поцеловать. Мне казалось, что все идет как надо. В таком ключе и должны развиваться отношения между будущими супругами. То ли я и в самом деле старомоден, то ли не рассчитал. Мы пару раз сходили в кафе и почти каждый вечер пили чай у нее на кухне. Забыл сказать: была весна. С некоторых пор я не замечаю смены времен года, поэтому и мое повествование не привязано к датам. Ведь я человек свободный, вне времени. Пятница, понедельник, мне-то какая разница? Но на этот раз я заметил: весна в разгаре. Догорал майский вечер, цвела черемуха, в садах запели соловьи. Майская дымка и затуманила мой взор. Я не заметил главного: что Олеся уже сделала выбор.

Все случилось на вечеринке. Отмечали день рождения одной актриски. Мы с Олесей пришли вместе. Я заметил, что она нервничает. Несколько раз она, словно в забытьи, сказала: «Надо решаться». Я же собирался в этот вечер быть остроумным, как никогда. Душой компании. Завтра я представлю Олесю своим родителям. Отвезу ее на машине в наш загородный дом, а по дороге аккуратно подготовлю. Объясню, кто я и куда мы едем. Месяц – испытательный срок вполне достаточный. Мне и самому на последней работе положили месяц. И я его с честью выдержал. Сгорбыш тоже заметил произошедшие во мне перемены.

– Я вижу, дело идет к свадьбе? – подмигнув, сказал он.

– Похоже на то.

– Хороший выбор, сынок, – одобрил он. – При такой женщине и ты станешь человеком.

На этой вечеринке все и случилось. Я на минутку отвлекся, веселя компанию очередным анекдотом, а оглянувшись, увидел Олесю под руку с упитанным мужчиной маленького роста. Я сразу отметил: дешевка. Дешевые часы, дешевый костюм, дешевые ботинки. Не говоря уже о манерах. В высшем обществе, где я время от времени вращался, его бы не приняли. Но он вел себя так, будто был центром вселенной. Здесь от него и в самом деле зависело все. Остальные актриски смотрели на Олесю с завистью. Я же ничего не понимал. Как же так? Я молод, красив, я ухаживаю за ней по всем правилам. Я собираюсь на ней жениться, в конце-то концов!

Предпочесть законному браку с достойным молодым человеком связь с женатым толстяком? Не первой молодости и далеко не первой свежести. Сразу видно: он пьет. И толку от него в постели чуть. Олеся нужна ему для поднятия престижа. Смотрите-ка, какую девушку я заполучил! И я был у нее первым! Подумаешь, продюсер! Что ж такое происходит, люди добрые? Куда мы катимся?

Я растерялся. В этот момент Олеся подошла ко мне и сказала:

– Леня, ты не обидишься, если я уйду не с тобой?

Как это современно!

– Ты хорошо подумала?

– Да, конечно.

– Олеся...

– Наши с тобой отношения ни к чему не приведут, – затараторила она, словно заученную роль. – Ты милый, добрый, хороший, но... Бесперспективный. А мне надо делать карьеру. Роль может уплыть к другой актрисе, более сговорчивой. Он сказал, что все зависит от меня. Тянуть больше нельзя.

Мне было так больно! Вы себе даже не представляете! Я еще мог ее остановить. Но я больше не хотел на ней жениться. Олеся не выдержала испытательного срока. Ей не хватило всего одного дня. Еще один день, и у нее было бы все. Я мог купить ей главную роль. Весь сериал. Продюсерскую компанию. Если бы я захотел заняться продюсированием кинофильмов, мой папа этому бы только обрадовался и охотно

ссудил денег. Олеся могла стать уважаемой женщиной, матерью семейства. А вместо этого...

Я стоял и смотрел, как она уходит под руку с толстяком продюсером. Вот и еще одна звездочка, чья судьба не завидна. Они не хотят пахать. Они хотят все и сразу: Бац – и в дамки! Чтобы стать великой актрисой, начинать надо не с сериалов. Необходимо много работать, делая ставку на свой талант, а не на тело. Скоро пойдет слух: эта девушка продается. Запачкаться легко, отмыться трудно.

Какое-то время я был в состоянии нокаута. Рефери успел бы сосчитать не то что до десяти, а до шестидесяти! Меня бросила женщина! Бросила из-за денег! Такого со мной, признаться, еще не случалось. Предпочла мне – молодому, красивому и богатому – старого толстого продюсера! Сердце мое было разбито. Я решил, что моя жена никогда не сможет бросить меня из-за мужчины, который богаче. Потому что таковых просто не будет. Вот так, господа, и становятся олигархами. От меня уходила женщина, а я обдумывал, как расширить границы своей финансовой империи.

Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. «Спокойно-спокойно-спокойно. Ничего не случилось. Ты не потерял, Лео, ты приобрел. Такая жена тебе не нужна. Спокойно-спокойно-спокойно...»

Но на следующий день я не появился на работе. Сгорбыш, который приехал поздно вечером, застал меня погруженным в философские размышления. О смысле жизни. В комнате,

где я им предавался, стоял одурманивающий запах. В моих пальцах дымилась сигарета, я лежал на диване и задумчиво смотрел в потолок. Окружающий мир стал мне настолько безразличен, что было все равно – жить или умереть. Если бы мое сердце остановилось, я принял бы это как должное. Сгорбыш испугался всерьез:

– Сынок! Эй, сынок! С тобой все в порядке?

– Абсолютно, – заверил я. И сделал глубокую затяжку.

– А ну-ка. Дай сюда! – Он отобрал у меня зелье.

Я не сопротивлялся. Вяло сказал:

– Меня бросила женщина.

– Не верю!

– Предпочла мне старого толстого продюсера.

– Дура!

– А ведь я хотел на ней жениться...

– Тем более дура!

– Она сказала, что я несерьезный.

– Чего ж ей еще надо, сынок? – откровенно удивился он. –

Ты, можно сказать, не пьешь и даже не куришь, молодой, красивый. Разве в деньгах счастье?

– Она сказала: карьера.

– Бабы просто помешались на карьере! – возмутился он. –

Сидели бы лучше дома, детей рожали!

– Вот я и хотел...

– Забудь эту дуру. Пусть катится к своему продюсеру. Ее

жизнь накажет.

– Мне от этого не легче. Скажи, Горб... Есть на свете честные женщины?

Он махнул рукой:

– Сынок...

– Может, и искать не стоит?

– Не мне тебе советовать, – тяжело вздохнул Сгорбыш.

– Как же так, Горб? Ты прожил на свете пятьдесят пять лет. Ты старый, ты мудрый. Я не вижу смысла жизни. Все – дерьмо. И люди – дерьмо. Если я делаю плохо, мне не сопротивляются. Под меня ложатся. Если же я делаю хорошо, меня посылают. Так как же?

– Эх тебя...

– Я освобождаю тебя от твоего слова, Горб, – торжественно сказал я. – Отныне можешь пить. Ты прав: не пить нельзя. Нельзя смотреть на этот мир трезвым взглядом. Надо смотреть через бутылку. Спиртное притупляет боль. Господи! Ее слишком уж много! Гораздо больше, чем водки! Мы кончимся, а она нет. Боль.

– Сынок... – Он взял меня за руку.

– Отстань, – вяло отмахнулся я.

– Давай-ка мы умоемся и успокоимся.

– Я в полном порядке.

– А кто спорит?

Он потащил меня в ванную комнату. Вот тут уже я сопротивлялся. Мне не нужна нянька! Я не ребенок! Хотя у меня и истерика. Сгорбыш сунул мою голову под кран и открыл

воду. Я фыркал, как тюлень, и брыкался. Потом он набросил мне на голову полотенце, да так, что я чуть не задохнулся. Тер мое лицо, ерошил волосы. Я все еще хлюпал носом. Потом он отбросил полотенце и за волосы развернул меня лицом к зеркалу:

– Смотри, сынок. Видишь этого парня? Ему грех жаловаться. Многие отдали бы полжизни за такое лицо. А ты нюни распустил. Мало в твоей жизни было женщин? А сколько еще будет?

– Я думал, это она. Та самая. Единственная.

– Ну, ошибся. Бывает. Успокойся, сынок. Посмотри на себя и успокойся.

– Я спокоен.

Я хлюпнул носом в последний раз. Дурман из моей головы постепенно улетучивался, что касается сердца, то оно еще болело. Но я чувствовал: скоро пройдет. Потом мы отправились на кухню пить кофе. Я попросил:

– Только никому не говори.

– О том, что ты балуешься травкой? – усмехнулся Сгорбыш. – Небось и запас имеется. Да, сынок, это статья. Так что я теперь буду тебя шантажировать.

– Сколько возьмешь, папаша?

– Будешь содержать меня пожизненно.

Я уже нормально разговаривал. Острил. Постепенно боль проходила.

Что же касается снимков... Фотоаппарат я отдал Сгорбы-

шу. Он снимал еще что-то на карту памяти, где я запечатлел танцующую Олесю. После моего срыва прошло недели две, и сначала в Сети, а потом и в желтой прессе появилась впечатляющая подборка. Она называлась: «И это наши звезды?!»

Телеведущая босиком танцует на столе, среди початых бутылок и остатков пищи. Известный актер несет из магазина две бутылки водки, по одной в каждой руке. Певица, дама бальзаковского возраста, задирает юбку так высоко, что видны трусики. И так далее.

Снимков Олеси было два. На одном она спотыкалась, поднимаясь на сцену. На другом развратно танцевала. Под снимками подпись: «Надо же так надраться?» Статья была язвительной. Упоминалось и о продюсере, благодаря которому Олеся получила роль второго плана в только-только начавшем сниматься сериале. Приложили ее хорошо. Я подозреваю, что это дело рук Сгорбыша. Подборку пикантных фотографий сделал он. Сгорбыш присутствовал не на одном банкете. Был незаметен и терпелив. Он сам говорил: «Я человек длинной выдержки». О! Это был профи! Я уверен, что таких снимков у него накопилось немало. И вот он решил часть из них продать. Из-за Олеси. Она была главной мишенью. Сгорбыш перестал ее уважать, и ему было за меня обидно. Но мы об этом не разговаривали. Я сделал вид, что статью не читал, а снимков не видел.

Могли они стать причиной его смерти? Кто знает. Я потерял Олесю из виду. Я не хотел о ней слышать. Но теперь, ви-

димо, придется. Ее карьера едва началась, а репутация оказалась уже подмоченной. Вот почему я поставил галочку. Мечь – это мотив. И потом, кто знает, сколько еще в той подборке было снимков и каких? Актерам и певцам все это, в общем-то, как с гуся вода. Чем громче скандал, тем больше дивиденды с него. А вдруг у Сгорбыша была подборка «И это наши политики?». Или «И это наши депутаты?». Раз он не брезговал работой папарацци, то в его архиве немало интересного. А очередные выборы не за горами. Политикам уж точно ни к чему, чтобы у кого-то имелись их снимки в пьяном виде или в обнимку с женщинами легкого поведения.

Но пора переходить к эпизоду третьему.

Съемка: эпизод третий

Все началось за две недели до исчезновения Сгорбыша. Я уже упоминал о халтуре, на которую мы подрядились. Я имею в виду фотоальбомы «Один день из жизни...». Таких альбомов мы успели сделать немного. Всего три.

Первые два заказа не показались мне интересными, хотя в каждом из них не обошлось без криминала. Но криминал криминалу рознь. Я бы хотел подробнее остановиться на третьем случае, а о двух других расскажу вкратце.

Друзья заказали снимки жениха с невестой за неделю до свадьбы. Весь день мы со Сгорбышем тайно за ними следили. Хорошо, что я был на колесах. Мы мотались по городу, выжидая в засадах удачные кадры, словно охотники добычу. Занятие утомительное и зачастую безрезультатное. А ведь у нас был законный выходной! Но надо было отснять весь день, от старта до финиша. До того момента, как они разойдутся по домам. К концу этого дня я всерьез задумался. Пожалуй, останусь холостяком. Она же его измотала! Ателье, где шилось платье, салон нижнего белья, парикмахерская... Одних обувных магазинов они объехали пять! Притом что она купила отнюдь не свадебные туфли. Похоже, эти у нее уже были. Женщины ведь готовятся к свадьбе загодя. Еще и заявление в ЗАГС не подано, а туфли уже стоят. В ее комнате, в коробке, под кроватью. Мысленно она уже объехала

положенные достопримечательности и уселась во главе стола по левую руку от новобрачного. Не говоря уже о списке гостей, который составляется в тот день, когда к ней пришли первые в жизни месячные. С этого момента она уже – невеста!

Не слушайте мое брюзжание, я просто устал. Это был безумный день! Они раза три поссорились, причем один раз всерьез. Она выскочила из машины и понеслась вдоль по улице, обливаясь слезами, и я даже сказал Сгорбышу:

– Все. Свадьбы не будет.

Он хмыкнул:

– А говоришь, что знаешь женщин, сынок!

И щелкнул затвором фотоаппарата. Я смотрел, как жених несется за девчонкой по проспекту Мира, бросив открытую машину, как хватает невесту за руку, потом плюхается на колени на глазах у прохожих, которые равнодушно обходят парю. Живя в столице, перестаешь чему-либо удивляться. Ну, стоит человек на коленях посреди оживленной улицы, что ж тут такого? В конце концов парень подхватил девушку на руки и понес к машине. Пока он задыхался от жары и под тяжестью драгоценной ноши, я уловил на ее хорошеньком личике милую гримаску. Она торжествовала! Я не выдержал:

– Снимай, Горб! Снимай!

– Вот так оно все и начинается, – тяжело вздохнул Сгорбыш, щелкнув затвором. – Девчонка пробует силы. Наверняка поссорились из-за ерунды.

Что ж, я знал свадьбу, которая расстроилась из-за свадебного платья. Мы с женихом когда-то вместе учились в МГИМО и принадлежали к одному кругу, но мой приятель был на три года старше. Его невеста хотела платье за сто тысяч долларов. Именно за сто, и ни центом меньше. Жених долгое время думал, что это шутка. Но девушка устроила истерику:

– Ах, ты меня не любишь! Тебе жалко денег!

Он любил, но не понимал, зачем надо переплачивать? Он лично договорился о солидной скидке с владельцем ателье и довольно потирал руки. Миллионеры тоже умеют считать деньги.

– Я сказала подружкам, что мое платье будет стоить сто тысяч долларов! – заявила она. – Если ты меня любишь, ты не допустишь, чтобы я опозорилась!

И вот тут он понял все. И в отличие от того парня, который плюхнулся на колени перед возлюбленной посреди проспекта Мира, махнул рукой:

– Ну, беги.

А сам хлопнул дверцей машины и уехал. Не в платье дело. Если всю жизнь прислушиваться к тому, что люди скажут, толку не будет. Они все равно скажут. Лучше уж дать повод, чем сокрушаться: «За что они со мной так?»

...Я смотрел на беднягу-жениха и думал: все, пропал. С утра, когда мы ждали молодоженов у подъезда и они, наконец, вышли, лицо у парня было такое счастливое! Но к вечеру становилось все несчастнее и несчастнее. Девчонка

же щебетала, как птичка, и носилась по магазинам. Он вымотался так, что перестал что-либо соображать. Когда этот безумный день, наконец, закончился, трое мужчин – я, Сгорбыш и несчастный жених – вздохнули с облегчением. Невеста же вышла из машины, сладко потянулась и сказала:

– Ах, как я устала! Тебе-то что!

Парень всего лишь сидел за рулем машины, лавирующей весь день в огромных пробках. И позволял невесте тратить деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.